

79-81
1

802-18
339

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ПРИ ШТАБѢ ОТДѢЛЬНАГО ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

ТОМЪ III

W5

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА
= 1858

Перестрѣлка продолжалась съ обѣихъ сторонъ, и офицеры эти сочли за лучшее ворваться на штыкахъ въ Таклахъ, чтобы однимъ разомъ заставить непріятеля положить оружіе.

Вслѣдствіе этого, аулъ былъ взятъ и разграбленъ, а Лалла-Фатма, съ нѣсколькими женщинами и остальною добычею изъ 400 быковъ, 500 барановъ, козъ и другими вещами, отправлены въ лагерь 3-й дивизіи. На другой же день явились къ маршалу амины отъ всѣхъ Иллитеновъ, съ просьбою о мирѣ, такъ что взятіе смалы (*) Лалла Фатмы было послѣднимъ трофеемъ побѣдителей.

Вслѣдъ за тѣмъ, получены были извѣстія объ усмиреніи племени южнаго ската Джурджуры, противъ которыхъ дѣйствовали отряды полковниковъ Мармье, д'Аржана и Друо. Племена Хиджеръ и Иллаула также подчинились Французамъ.

Этимъ окончилась экспедиція 1857 въ Большую Кабилию; изъ войскъ дѣйствующаго отряда, только дивизія Рено осталась въ странѣ Бени-Ратенъ до окончанія постройки форта Наполеонъ; остальные возвратились на мѣста прежняго своего расположенія.

(*) Смала, по арабски, городокъ.

А. ВЕРЕНСЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ СТЕПИ.

Съ 15 мая по 8 июня.

Мы идемъ почти безостановочно. Обыкновенно утромъ, часа въ два, раздается около джуламеекъ пронзительный и довольно непріятный крикъ, очень похожій на скрипъ несмазанныхъ колесъ или крестьянскихъ нашихъ воротъ — это подають о себѣ голоса верблюды нашего каравана, которые всегда заранѣе укладываются вблизи лагерь. Затѣмъ, въ три или четыре часа, неутомимый горнистъ пускаетъ свою раздрающую трель на рожкѣ, и напрасно кутаешься въ одѣяло, подъ которымъ такъ тепло и сладко провести ночь, напрасно жмуришь глаза, стараясь погрузиться въ дремоту — ничто не помогаетъ: рогъ трубить неутомимая, верблюды кричать еще неистовѣе и черезъ мгновеніе джуламейка ваша сорвана Киргизомъ, и вы разомъ очутились на холодномъ утреннемъ воздухѣ, въ самомъ легкомъ костюмѣ. Тутъ долѣе нѣжиться нельзя, быстро, съ какимъ-то азартомъ, глотается полутеплый и мутный настой изъ почернѣвшаго отъ копоти чайника, еще быстрѣе всѣ вещи появляются на спинѣ дромадера, раздается начальническое «садись», — и вотъ весь караванъ нескончаемой нитью потянулся въ даль. Впрочемъ, такое непрерывное движеніе каравана совершается только въ началѣ перехода, далѣе же верблюды болѣею частію разбиваются на нѣсколько партій и тянутся въ три или четыре ряда, и въ главѣ каждаго на передовомъ верблюдѣ усаживается вожакъ, монотонно пока-

чивающийся на спинѣ своего дромадера; къ сѣдлу передоваго верблюда привязывается на длинной веревкѣ другой, къ другому третій и т. д. При утренней прохладѣ, въ началѣ перехода, верблюды дѣлаютъ обыкновенно около четырехъ верстѣ въ часъ; по мѣрѣ приближенія къ мѣсту ночлега, скорость эта уменьшается и подѣ конецъ не превосходитъ трехъ верстѣ; слабосильные верблюды начинаютъ по немногу отставать и такимъ образомъ караванъ нашъ растягивается иногда версты на три или на четыре, что, въ особенности при движеніи по гористымъ мѣстамъ, представляетъ довольно оригинальную картину. Говоря о караванѣ, нельзя не сказать чего нибудь и объ его вожакѣхъ—Киргизахъ, въ особенности о ихъ пристрастіи къ русскому костюму. Такъ, караванъ-баши, на второмъ переходѣ, досталъ себѣ откуда-то сюртукъ изъ верблюжьего сукна, въ родѣ военного пальто, и круглую пуховую шляпу и былъ кажется очень доволенъ своимъ засѣдательскимъ нарядомъ; вожакъ нашихъ верблюдовъ, котораго все одѣяніе состояло изъ рубахи и кожаныхъ шароваръ, весьма полезныхъ въ походѣ, промѣнялъ свой нижній нарядъ на дырявый китель и на синіе козацкіе панталоны и теперь съ чувствомъ особеннаго достоинства поглядываетъ на своихъ бѣдныхъ собратіи, и конечно окончательно бы возгордился передъ ними, еслибъ ему удалось еще добыть гдѣ нибудь форменную фуражку, въ замѣнъ общипанной своей мѣховой тюбетейки.

Рядомъ съ караваномъ слѣдуетъ и нашъ конвой. Бодро и весело дѣлаютъ люди эти утомительные, страшные переходы; жаръ иногда простирается до 33° въ тѣни, переходъ до 50 верстѣ, а имъ и дѣла нѣтъ; когда хотите подѣзжайте къ конвою, вы постоянно услышите или звонкую, забирающую за сердце пѣсню уральскихъ козаковъ, съ ихъ особеннымъ акцентомъ, или пріятную, но не бойкую пѣсню пѣхоты. Не угодно ли вамъ взглянуть вотъ хоть на этого приземистаго пожилаго козачка съ небольшою черной бородкой и съ самыми плутовскими глазами, — это нашъ извѣстный пѣсенникъ, балагуръ, сатирикъ, словомъ, что хотите, уральскій козакъ Ерофей Калининъ. Какъ бы тяжело не было конвою идти, какія бы печальныя мысли ни налетали на солдатскую голову, Калининъ стоитъ только сказать слово, чтобы нигомъ разогнать солдатскую думу—кручину; Калининъ разинулъ ротъ—и уже вся наша конвойная публика начинаетъ привѣтно улыбаться и почесывать въ затылкѣ, приготовляясь, при первомъ словѣ его, расхохотаться не на животъ, а на смерть.

Нѣтъ ни одной солдатской души въ конвоѣ, которая бы не знала Калинина, которая бы не подчивала его своей трубкой или сбереженнымъ про случай сухаремъ; другому солдатику иногда придется, по своей оплошности, или остаться во время перехода безъ табаку, или безъ воды, а у Калинина никогда и ни въ чемъ нѣтъ недостатка: онъ живетъ на общій счетъ и распоряжается за свое балагурство чужой кисой, какъ собственной. Какъ часто, подѣзжая незамѣтно къ конвою, вы дѣлаетесь свидѣтелемъ слѣдующей сцены: «эй, Назаровъ!» или «Ивановъ!», слышится громкій голосъ,—«подать Калининну трубку». Вслѣдъ за этимъ раздается залпъ долго сдерживаемаго смѣха и потомъ впереди конвоя рисуется уморительно-важная фигура Калинина, къ которому подѣзжаетъ требуемый имъ козакъ и уже конечно съ самыми забористыми корешками махорки. И оживится конвой отъ этой шутки и пойдетъ весело, и незамѣтно отмахаетъ верстѣ пять или десять.

Члены миссіи, въ самыхъ фантастическихъ пальто и шляпахъ, обыкновенно тянутся по бокамъ своего багажа, только изрѣдка, какой нибудь ориенталистъ или зоологъ отдѣлится въ сторону, чтобы скопировать какую нибудь надпись на жалкомъ киргизскомъ памятникѣ или поймать разноцвѣтнаго кузнечика, которыхъ здѣсь такъ много.

Пройдя такимъ образомъ болѣе или менѣе значительный переходъ и завидя въ дали неподвижныя пики авангарда, признакъ близкаго ночлега, весь караванъ какъ бы ускоряетъ шагъ и чрезъ нѣсколько времени достигаетъ какой-нибудь рѣчки или солоноватыхъ копаней, гдѣ и разбивается лагерь. Нигомъ становятся джуламейки, закуриваются огоньки, разжигаемые всякой дрянью и черезъ часъ всѣ члены миссіи лежатъ въ растяжку на своихъ походныхъ кроватяхъ, или попиваютъ горячій, но горькій или солоноватый чай; часовъ въ 5 или 6 обѣдъ у начальника миссіи, подѣ открытымъ небомъ; въ 8 часовъ опять неизмѣнный чай, потомъ зоря, потомъ сонъ, изрѣдка прерываемый нескончаемымъ крикомъ часовыхъ «слушай». И такъ каждый день, вчера какъ сегодня, сегодня какъ завтра....

19 іюня.

Наконецъ-то мы вступили на Усть-Уртъ. Вотъ эта знаменитая возвышенность, которой насъ такъ пугали люди, бывавшіе въ степи, вотъ эта классическая страна змѣй, скорпіоновъ и фа-

ланкъ; кругомъ голъ и гладь, только невыразимо прекрасная синева моря, по берегу котораго мы идемъ, оживляетъ нѣсколько нашъ путь, да изрѣдка пробѣжитъ сайгакъ или промелькнетъ въ дали тарпанъ. Переходы пошли длиннѣе, прѣсная вода только въ копаняхъ, и то солонцоватая, да и добраться до нея стоитъ не малаго труда, потому что всѣ копани находятся у подошвы Усть-Урта. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе дикую и прихотливую, нежели западный берегъ Аральскаго моря: внизу, у самой воды, навалены въ страшномъ безпорядкѣ песчаные бугры и обломки скалъ, вверху же, надъ всѣмъ этимъ, высится угрюмый и обрывистый берегъ Усть-Урта, являющійся то въ видѣ террасъ, то въ видѣ полуразрушенныхъ стѣнъ, башенъ и замковъ. Спуски къ морю до Усть-Урта почти вездѣ затруднительны и опасны, но за то видъ съ этой террасы на море восхитительный; въ особенности нравится эта мѣстность нашему любознательному доктору П...., котораго всегда можно увидѣть въ шляпѣ съ огромными полями, пробирающагося между скалъ и камней и отыскивающаго скорпионовъ и фаланкъ. Высота Усть-Урта надъ поверхностію моря доходитъ до 900 и болѣе футовъ и въ южной части подошва его отдѣляется отъ воды довольно широкой полосой песчаныхъ бугровъ и камышей. Вообще, эта возвышенность представляетъ до сихъ поръ бѣлую страницу въ изысканіяхъ нашихъ географовъ; по своей безплодности и пустынности, она служитъ какимъ-то пугаломъ даже для людей, не разъ бывавшихъ въ степи. Благодаря Бога, мы прошли здѣсь не встрѣтя никакихъ особенныхъ затрудненій; «дорожка ровная», говорили бывало въ степи козаки, указывая на Усть-Уртъ, «что твоя шоссей, прѣдешь хоть въ каретѣ»; и они были правы, мы проѣхали по Усть-Урту съ 23-мя огромнѣйшими фургонами такъ, какъ только проѣзжаетъ губернаторъ во время ревизіи по своей губерніи. Послѣ всего этого странно слышать, а еще болѣе читать въ сочиненіяхъ, пользующихся особеннымъ авторитетомъ, что слѣдованіе обоза на колесахъ черезъ спуски и подъемы Усть-Урта по мѣстнымъ обстоятельствамъ рѣшительно невозможно (*). Не грѣхъ ли намъ такъ мало знать до сихъ поръ свои пограничныя земли и повторять голословныя показанія? Кажется, можно было бы и получше изучить эту возвы-

шенность; средства подъ рукою: сколько ежегодно направляется по ней каравановъ изъ Хивы въ Оренбургъ и обратно, почти ежегодно ходятъ здѣсь съемочныя и военныя партіи и не разъ уже ходили по Усть-Урту въ Хиву наши миссіи. Усть-Уртъ дѣйствительно страшенъ, только не по своимъ подъемамъ и спускамъ, а по трудности добывать воду въ копаняхъ и по недостатку корма для лошадей, который почти исключительно состоитъ изъ небольшой колючей травы, называемой Киргизами «ибилекъ».

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

20 іюня.

Бивуакъ при урочищѣ
Аджибай-Аксуатъ.

(*) Смот. «Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей. Записки Пмп. Рус. Геогр. Общ.» Книга X, стр. 109.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ПРИ ШТАБѢ ОТДѢЛЬНАГО ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Государственная
ордена Ленина
Библиотека ВСВР
им. В. И. Ленина

н 2293-50

ТОМЪ IV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
=
1858

Манёвромъ заключена была повѣрка практическихъ занятій въ стрѣльбѣ Стрѣлковой офицерской школы. Его Императорское Величество, оставшись совершенно доволенъ такими результатами и справедливо относя огромный успѣхъ въ изученіи столь важной отрасли военного образованія, какъ стрѣльба въ цѣль, къ заботливости ближайшаго начальства школы, изволилъ осчастливить начальника ея и образующихся офицеровъ неоднократно выраженіемъ благодарности за успѣхи, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; изъявляя при этомъ надежду, что они, сознавъ собственнымъ опытомъ всю пользу и необходимость стрѣлковаго дѣла, примѣромъ своимъ поощрятъ къ такимъ занятіямъ и своихъ товарищей, и нижнихъ чиновъ. Его Величество обращеніе свое къ офицерамъ школы изволилъ заключить слѣдующими словами: «Благодаря Бога, стрѣлковое дѣло уже направлено у насъ на тотъ путь, по которому оно должно идти, но я желаю, чтобы оно шло еще лучше, и увѣренъ, что это такъ и будетъ.»

Вотъ успѣхи, сдѣланные Стрѣлковою школою въ десяти-мѣсячное ея существованіе, и тѣ простыя въ сущности начала, которымъ она обязана этими успѣхами и которыя, повѣривъ опытамъ, мы смѣло рекомендуемъ всѣмъ желающимъ достигъ прочныхъ и вѣрныхъ результатовъ при обученіи своихъ частей стрѣльбѣ въ цѣль.

Н. ОСТРОВЕРХОВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ХИВЫ.

Отъ Усть-Урта до Кунграда. Въ прошломъ письмѣ я рассказъ вамъ вкратцѣ о сухопутномъ движеніи миссіи нашей по Киргизской степи и по Усть-Урту, теперь же позвольте передать вамъ кое-что и о путешествіи нашемъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства. 21-го іюня миссія подошла къ мысу Ургѣ, откуда идетъ довольно крутой спускъ съ Усть-Урта къ одному изъ заливовъ Аральскаго моря—Айбугирскому; заливъ этотъ, нерѣдко называемый озеромъ, имѣетъ длины отъ сѣвера къ югу до 120 верстъ, а ширины въ устьѣ около 40; въ томъ же мѣстѣ, гдѣ миссія должна была совершить переправу, ширина залива не превосходитъ 25 верстъ.

По предварительному сношенію, хивинское правительство, для перевозки миссіи и ея тяжестей, обѣщало собрать къ мысу Ургѣ не менѣе 90 судовъ; но несмотря на всѣ старанія Хивинцевъ, когда приступлено было 22-го числа утромъ къ переправѣ, мы нашли на пристани всего только 16 лодокъ, къ которымъ впослѣдствіи, и то съ большимъ трудомъ, были присоединены еще 19 такихъ же судовъ. Изъ числа этихъ лодокъ на 9 могло устаться по 10 лошадей, вмѣстительность же остальныхъ не превышала 4-хъ верблюжьихъ व्यюковъ (около 50 пуд.) на каждой. По мелководію, большія лодки подойти близко къ пристани не могли, а потому посадка каждой лошади представляла не малыя затрудненія и иногда стоила часовыхъ усилій; да кромѣ того, лодочники, какъ самый безначальный народъ, пользовались

общей суматохой и несмотря на крики распоряжавшагося переправою хивинскаго чиновника, перѣдко положивъ на лодку не болѣе одного вьюка, преспокойно отправлялись съ этимъ легкимъ грузомъ на противоположную сторону Айбугира, не обращая ни малѣйшаго вниманія на наши возраженія. По мѣрѣ нагрузки, каждая лодка, управлявшаяся 3-мя Каракалпаками, отталкивалась отъ берега шестами и затѣмъ немедленно вступала въ узкое, сажени 1½ шириною, дефиле, образуемое непроходимыми рядами камышей, вышиною отъ 3 до 4 саж., — покрывающими почти сплошь Айбугирскій заливъ. Плаваніе въ такомъ оригинальномъ дефиле представляло порядочное мученіе: духота была невыносимая, вѣтру — никакого, кругомъ камыши да сверху узкая полоска неба, и ничего больше. Надо имѣть навыкъ и смѣлливость перевозившихъ насъ лодочниковъ, чтобы не сбиться въ этомъ лабиринтѣ камышей, вливая по заливу то вправо, то влево, и не встрѣчая на всемъ переѣздѣ ни одного сколько нибудь пригоднаго для ориентировки предмета. Движеніе лодокъ, толкаемыхъ шестами, производилось очень медленно — отъ 2 до 3 верстѣ въ часъ, тѣмъ болѣе, что шесты, уходя почти на ½ аршина въ пловатое дно залива и путаясь безпрестанно въ водныхъ поросляхъ, сильно затрудняли работу гребцовъ. Общее направленіе пути нашего шло сначала на Ю-В., потомъ круто повернуло на В.; теченіе же воды совершалось отъ Ю къ С., т. е. изъ залива въ море, съ быстротою 3 верстѣ въ часъ и при глубинѣ отъ 4 фут. до 3 саж. Не доходя версты на 3 праваго берега, мы вступили въ искусственную канаву сажени 2 шириною, которой и закончили плаваніе по Айбугирскому заливу, проведя на лодкахъ около 7 часовъ; въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что вода въ заливѣ прѣсная, хороша на видъ и не дурна на вкусъ, за исключеніемъ прибрежныхъ мѣстъ, гдѣ она, имѣя весьма малое теченіе, отзывается болотомъ (*).

(*) По разсказамъ туземцевъ, у нихъ сохраняется преданіе, что въ старину вода въ Айбугирѣ вовсе не была такъ велика, какъ теперь, и что на всемъ пути, по которому мы шли нынѣ на лодкахъ, протекало лишь нѣсколько ручейковъ, такъ что весь переѣздъ съ праваго берега залива до Урги дѣлался прежде не иначе, какъ на колесахъ; но съ постепеннымъ ушнреніемъ рукава Лаудана увеличивалась прибывъ воды и въ Айбугирѣ и затопила наконецъ всю ту мѣстность, по которой теперь производится переправа на лодкахъ. Не скрывается ли въ этомъ темномъ преданіи одинъ изъ многихъ намековъ на то, что Аму-Дарья когда-то текла чрезъ Лауданъ-Сарыаукъ въ Каспій?

При выходѣ на берегъ, начальникъ миссіи былъ встрѣченъ почетнымъ хивинскимъ конвоемъ, который долженъ былъ сопровождать миссію при дальнѣйшемъ ея движеніи по ханству.

Что сказать вамъ объ этихъ грозныхъ витязяхъ? Перенеситесь мыслію ко временамъ самаго младенческаго состоянія военнаго искусства вообще и огнестрѣльнаго оружія въ особенности, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о нашей охранной стражѣ. Высокая черная или бѣлая мерлушчатая шапка, полосатый бумажный халатъ, который такъ любятъ носить наши оренбургскіе казаки, красный и бѣлый кушакъ, бумажные или холщевые шаравары, заправленные въ особой формы сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи и у которыхъ высокій каблукъ имѣетъ размѣры не больше гроша, а къ концу носка пришитъ узенькой ремешекъ, торчащій на подобіе мышинаго хвостика — вотъ парадная и будничная форма нашего конвоя и даже всякаго Хивинца. Объ оружіи уже и не спрашивайте; разнообразіе въ немъ можетъ не удивлять развѣ только самыхъ правовѣрныхъ: у одного кривая персидская сабля, зашитая чуть не въ 20 чехловъ, у другаго пика, насаженная на бѣлый черешокъ или просто на длинную жердь, у третьяго фитильное ружье на желѣзныхъ сошкахъ, изъ котораго въ цѣлый день не успѣешь сдѣлать болѣе 3-хъ выстрѣловъ, наконецъ у многихъ и вовсе не было никакого оружія, кромѣ нагайки. Представителями этого грознаго воинства явились одинъ изъ подчиненныхъ Хивѣ киргизскихъ хановъ и юзбаша хивинской арміи; начальствующія лица были одѣты также, какъ и подчиненные, но только сверхъ бумажнаго халата имѣли еще по черному суконному, да сопровождался 2, 3 прислужниками, везшими за своими господами кальянъ и другія необходимыя боевыя принадлежности, какъ-то: чайныя чашки въ кожаныхъ чахлахъ, кувшины и проч. При подъѣздѣ нашемъ, весь этотъ сбродъ, сидѣвшій, впрочемъ, на довольно хорошихъ и закутанныхъ съ головы до ногъ аргамакахъ, съѣхался въ кучу и, безъ всякаго понятія о какомъ либо строѣ, разлѣзжалъ взадъ и впередъ за своими представителями, привѣтствовавшими начальника миссіи; по окончаніи же такого труднаго церемоніала встрѣчи, продолжавшагося не болѣе 10 минутъ, хивинскій конвой счелъ долгомъ разбрестись по сосѣднимъ ауламъ на отдыхъ, а начальники его были приглашены на чай въ нашъ лагерь.

Въ то время, когда мы перетаскивались черезъ Айбугиръ на лодкахъ, весь нашъ верблюжій караванъ двигался къ устью залива и въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Урги, верблюды переправились въ бродъ на глубинѣ не болѣе 3 фута, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ ямъ, въ которыхъ глубина была около 2 аршинъ. Переправа эта сначала была произведена на небольшой островъ или, лучше сказать, отмель, находящуюся въ устьѣ Айбугира, верстахъ въ 25 отъ лѣваго его берега; съ острова же караванъ, пройдя еще 15 верстъ водою, вышелъ уже на правый берегъ залива и, слѣдуя по низменной и болотистой мѣстности на разстояніи 75 верстъ, достигъ 25 июня лагеря миссіи. Такимъ образомъ, наша переправа, при полномъ содѣйствіи со стороны хивинскаго правительства, была совершена не менѣе, какъ въ 4 дня; но и это время надо считать весьма непродолжительнымъ, если принять въ расчетъ, что караваны, идущіе изъ Хивы въ Оренбургъ, нерѣдко употребляютъ на переходъ отъ Кунграда до Урги, т. е. на разстояніе какихъ нибудь 90 верстъ, не менѣе 2 недѣль. Такое замедленіе каравановъ происходитъ: отъ затруднительности передвиженія верблюдовъ по пересѣченной и изрытой канавами мѣстности между Кунградомъ и Айбугиромъ; отъ недостаточности перевозочныхъ средствъ на Айбугирѣ, особенно во-время столпленія нѣсколькихъ каравановъ (*); отъ болѣе или менѣе продолжительныхъ переговоровъ съ лодочниками, которые не рѣдко берутъ за перевозъ съ каждаго рейса залодку 1 р. 50 к. сер.; отъ продолжительности нагрузки на суда выгрузки и выючки тяжестей, и наконецъ отъ кружнаго движенія верблюдовъ черезъ устье Айбугира. Вотъ почему встрѣтившійся намъ на Усть-Уртѣ небольшой хивинскій караванъ считалъ себя счастливымъ, что ему удалось путь отъ Кунграда до Урги сдѣлать не болѣе, какъ въ восемь дней.

Въ ожиданіи прихода верблюдовъ, миссія должна была расположиться лагеремъ не вдалекѣ отъ праваго берега залива и въ слѣдствіе этого по вечерамъ и по ночамъ намъ приводилось испытывать страшныя мученія отъ комаровъ и мошекъ. Вуали, полога, попоны, мѣшки, словомъ все, что было подъ рукою,

(*) Въ прежнее время караваны изъ Хивы, кромѣ Кунграда, ходили еще черезъ Ташауъ и Куля-Ургенчъ, но въ послѣдніе два года, по случаю постоянной войны съ Туркменами, торговое движеніе по послѣднему пути совершенно прекратилось и караваны, какъ изъ Оренбурга въ Хиву, такъ и обратно, ходятъ не иначе, какъ черезъ Кунградъ и Айбугиръ.

пошло въ дѣло, для спасенія отъ этихъ насѣкомыхъ, но ничего не помогало; закрыться съ головою на долго не было возможности (температура воздуха по ночамъ не спускалась ниже 23° Р.), потъ сейчасъ же выступалъ ручьями и бѣлье, мгновенно намокая, нестерпимо ѣло тѣло. Ежеминутно можно было видѣть, какъ изъ той или другой джуламейки вылеталъ, въ родѣ привидѣнія, кто нибудь изъ страдальцевъ, отчаянно махалъ руками, бѣгалъ взадъ и впередъ по лагерю, но принятый еще болѣе неучтиво свѣжими комарами, также мгновенно скрывался въ свое походное жилище. Подобныя сцены повторялись во все время стоянки миссіи у Айбугира, и въ продолженіе каждой ночи вся наша разнородная публика посылала проклятія комарамъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ и доходила чуть не до отчаянія, когда утромъ приводилось являться на Божій свѣтъ или съ совершенно непрощенымъ волдыремъ или съ раздутой до безобразія губой.

Часть ханства между Айбугиромъ и Аму-Дарьей, къ югу отъ Кунграда занята, кромѣ небольшого числа Узбековъ, Каракалпаками, а также Киргизами, кочевавшими здѣсь и прежде, и бѣжавшими въ хивинскія владѣнія изъ Россіи, въ слѣдствіе бывшихъ въ нашей степи смутъ во время мятежа батырей Исета Кутебарова и Джангуджи-Нурмухамедова; собственно господствующимъ же здѣсь племенемъ считаются Узбеки, которые преимущественно живутъ по городамъ и только на мѣсто выѣзжаютъ куда нибудь на принадлежащія имъ дачи или, лучше сказать, въ сады, гдѣ помѣщаются въ кибиткахъ или въ жилищныхъ глиняныхъ домахъ. Одежда здѣшнихъ жителей, за исключеніемъ Узбековъ, ничѣмъ не отличается отъ одежды нашихъ Киргизъ, но физіономіи туземцевъ, особенно женщинъ, далеко красивѣе, чѣмъ у нашихъ ордынцевъ; здѣсь вообще уже замѣтно вліяніе Узбекской породы, жаль только, что Каракалпачки, также, какъ и большая часть Узбековъ, портятъ себѣ лицо тѣмъ, что продѣваютъ сквозь правую ноздрю большую, круглую серьгу, наподобіе носимыхъ нашими крестьянками; безъ этого уродства между здѣшними женщинами можно было бы встрѣтить замѣчательно красивыя и типическія лица. Въ продолженіи пятидневнаго пребыванія миссіи на берегу Айбугира, по утрамъ или часовъ въ 5 вечера нашъ лагерь обыкновенно осаждали сосѣдніе Киргизы и Каракалпаки. Кто изъ нихъ продавалъ вполнѣ созрѣвшіе абрикосы, кто тащилъ гуся, кто молоко, запрашивая за все это огромныя деньги и въ тоже время съ охотой согла-

шаясь мѣнять свой товаръ за какую нибудь папушку махорки или кусокъ сахару. Особенно отбою не было нашимъ докторамъ: хромые, кривые, изъязвленные мушны, женщины—взрослые и дѣти, всѣ лѣзли и неотступно осаждали нашу походную аптеку, прося какого нибудь лекарства; почти $\frac{3}{4}$ приходившихъ больныхъ страдали сифилисомъ въ самомъ страшномъ его развитіи или послѣдствіями еще болѣе страшнаго меркуріальнаго леченія; даже дѣти 2, 3 лѣтъ не были изъяты отъ извѣ сифилитической болѣзни, не говоря уже о взрослыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые являлись въ такомъ страшномъ, изуродованномъ видѣ, что нельзя было смотрѣть на нихъ безъ ужаса.

27 іюня, мы тронулись съ Айбугира и тотчасъ же вступили въ полосу обработанной и посѣянной земли. Живно болѣею частью было уже окончено и намъ постоянно попадались двухколесныя, высокія арбы, нагруженные снопами. Мы шли уже не по такимъ мѣстамъ, какъ въ нашей степи, а по довольно торной дорогѣ, безпрестанно пересѣкая канавы, проведенныя во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Ширина этихъ канавъ весьма различна и простирается отъ $1\frac{1}{2}$ —4 аршинъ, но переѣзды черезъ нихъ очень затруднительны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невозможны безъ предварительнаго срытія спусковъ; черезъ болѣе широкія канавы было перекинуто по нѣсколькимъ жердеямъ набросанной на нихъ соломой. Такіе живые мостики трещали и ломались подъ нашими лошадьми и требовали безпрестанной поправки.

По мѣрѣ движенія, кромѣ разбитыхъ на квадраты и трапеціи засѣянныхъ полей, вдоль канавъ начали попадаться и фруктовые сады, обнесенные высокими глиняными стѣнами и состоявшіе преимущественно изъ деревьевъ финика, урюка и тополя, а также и виноградныхъ лозъ. Вообще же проходимая нами мѣстность до такой степени была тщательно обработана и орошена, что невольно заставляла удивляться тому терпѣнію и старанію Хивинцевъ, съ которымъ они добываютъ каждое зерно изъ здѣшней неблагодарной и по болѣе части солонцоватой почвы.

Съ приближеніемъ къ Кунграду, мѣстность пошла еще пересѣченнѣе, канавы чаще, дорожки уже.... Пересодѣвши версты за полторы отъ города въ походную форму и окруженные хивинскимъ конвоемъ, мы въ полдень 28 іюня приблизились къ Кунграду. Огромное число народа почти сплошь покрывало городскія стѣны, со стороны вѣзда, толпилось въ воротахъ и

бѣжало впереди нашей миссіи. Три или четыре чауша съ короткими, по толстымъ плетямъ, не разбирая ни пола ни возраста, щедрою рукою разсыпали удары во всѣ стороны, не обращая никакого вниманія, куда приходились ихъ плети, на спины, головы или прямо въ носы правовѣрныхъ. Женское населеніе, закутанное въ покрывала, пугливо тѣснилось на плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ, бросая укривые, но быстрые взгляды на проѣзжавшихъ *Урусовъ*. Вступивъ въ городъ, мы потянулись по узкимъ и грязнымъ его улицамъ, ширина которыхъ не превосходила $1\frac{1}{2}$ сажени; кругомъ видѣлась глина; всѣ дома, лавки, сараи, городская стѣна—все сдѣлано изъ этого матеріала съ помощію только нѣсколькихъ деревянныхъ подпорокъ и балокъ. Духота въ улицахъ, отъ столпленія народа, сдѣлалась еще сильнѣе, удары чаушей посыпались чаще, и мы черезъ четверть часа ѣзды по этому глиняному лабиринту достигли наконецъ большаго четырехъугольнаго зданія съ садомъ, окруженнаго высокою стѣною—это была квартира, назначенная для отдыха нашей миссіи, Ханскій дворецъ, передній дворъ котораго служить въ тоже время и караванъ-сарай для отправляемыхъ въ Россію товаровъ. По объ этомъ дворцѣ и о пребываніи нашемъ въ Кунградъ, позвольте отложить до слѣдующаго письма.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

26 іюня, 1858 года,
г. Кунградъ.

79-81
1

802-18
343

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ТОМЪ V

№ 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1859

на міръ Божій сквозь черный флёръ; вошла скука во всѣ косточки. Тяжка, грустна и безвыходна такая жизнь!.....

Эскадронъ уже далеко отошелъ отъ села, шлепая по грязи. Офицеры ѣхали впереди; мокрыя шинели, какъ губка, вбирали въ себя снѣгъ съ дождемъ, грязь доходила выше колѣна. Весело и беззаботно шутили межъ собою офицеры....

ВЕЗЪИМАННЫЙ.

ПИСЬМО ИЗЪ ХИВЫ.

IV (*).

Пребываніе въ Хивѣ. Въ 4 часа пополудни 18-го іюля, мы, послѣ 18-ти-дневнаго тяжелаго путешествія изъ Кунграда, приблизились наконецъ къ столицѣ ханства; за 1½ версты не доѣзжая города, встрѣтилъ насъ одинъ изъ важнѣйшихъ здѣшнихъ сановниковъ (дарга, намѣстникъ ханскій) и привѣтствовалъ начальника миссіи, отъ имени своего повелителя, съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Для жительства миссіи, былъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ загородныхъ ханскихъ дворцовъ, расположенный на лѣвомъ берегу канала Полванъ-Ата. Дворецъ этотъ, какъ и всѣ подобнаго рода постройки въ ханствѣ, окруженъ высокою глиняною стѣною, въ которой, для выхода къ каналу, продѣлана небольшая калитка, а съ противоположенной стороны огромныя сводчатые ворота, сообщающіяся длиннымъ крытымъ корридормъ съ самымъ жильемъ. Внутренность дворца раздѣлена на 3 большихъ двора, не считая 3 или 4 маленькихъ площадокъ. Первый отъ главнаго входа дворъ, по 3 своимъ сторонамъ, имѣетъ небольшія комнаты, расположенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ 2 эта-

(*) По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, письмо III, заключающее описаніе путешествія миссіи изъ Кунграда въ Хиву, въ настоящее время напечатано быть не можетъ.

жа и отдѣленные одна отъ другой глиняными стѣнами; по срединѣ же двора выкопанъ квадратный прудъ, съ утрамбованнымъ подлѣ него мѣстомъ для постановки ханской кибитки. Изъ перваго двора, ведетъ маленькая лазейка во второй дворъ, большей величины, въ которомъ выстроены глиняный павильонъ, заключающій въ себѣ одну большую и одну маленькую комнаты и окруженный съ 3 сторонъ открытыми галлереями; павильонъ этотъ, построенный на весьма высокомъ фундаментѣ, сажени въ $1\frac{1}{2}$ вышиною, украшенъ еще глинянымъ бельведеромъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на Хиву; внизу же, около павильона находится небольшой прудъ, обсаженный яркими цвѣтами. Изъ втораго двора продѣланы еще двѣ калитки въ 3-й дворъ, или собственно садъ, прилегающій уже противоположной своей стороной къ каналу Полвану. Черезъ одну изъ этихъ калитокъ, вы выходите въ садъ, на дорожку, ведущую сквозъ живую, крытую, виноградную аллею къ другому павильону (который въ отличіе отъ прочихъ будемъ называть впередъ новымъ), помѣщенному по срединѣ сада; этотъ послѣдній павильонъ, вѣроятно, явился на свѣтъ въ недавнее время, потому что въ постройкѣ его замѣтна уже нѣкоторая попытка Хивинцевъ сдѣлать свое жилище не только красивымъ, но и сколько нибудь удобнымъ для помѣщенія во время сильныхъ жаровъ. Новый павильонъ, хотя тоже выстроенъ изъ глины, но стѣны его внутри прекрасно оштукатурены и выбѣлены подъ глянecъ, и съ 3 сторонъ его расположены крытыя съ верху и открытыя въ наружу галлерей, поддерживающіяся деревянными рѣзными колоннами. Павильонъ этотъ заключаетъ 4 комнаты, изъ которыхъ въ двѣ свѣтъ, кромѣ дверей, проникаетъ черезъ рѣзныя деревянные рѣшотки, вставленныя въ небольшія стрѣльчатые отверстія, продѣланныя надъ дверями; въ другихъ же 2-хъ комнатахъ, почти у самаго фундамента, прорѣзаны самой грубой работы окна, неимѣющія ни рамъ ни стеколъ, а одинъ только ставни. Здѣсь перенчивость Хивинцевъ дошла до того, что они ко всѣмъ этимъ дверямъ и ставнямъ, прибили желѣзныя пашы петли, но не зная, какъ съ ними справиться, помѣстили ихъ въ видѣ какого то украшенія, подложивъ подъ каждую петлю по куску красно* флатели, тогда какъ поворотъ ставней и дверей производится все таки по первобытному способу, то есть на одной изъ пластинъ самой рамы, концы которой обдѣланы въ видѣ оси. Кромѣ этихъ усовершенствованій, вокругъ всего павильона идетъ тротуаръ,

сдѣланный изъ битаго съ глиной камня, а вблизи устроены, также, какъ и въ другихъ дворахъ, прудъ и мѣсто для ханской кибитки.

Полы, во всѣхъ комнатахъ дворца, глиняные, утрамбованные, потолокъ, онъ же и крыша, плоскій и состоитъ изъ ряда бревенъ, съ положенными на нихъ, вмѣсто досокъ, тоненькими палочками, въ родѣ жердей, покрытыми слоемъ глины, четверти $1\frac{1}{2}$ толщиною. Комнаты перваго двора, какъ самаго стараго, и павильона втораго двора, тоже прежней постройки, — грязны, сыры и подернуты паутиной; свѣтъ въ нихъ проходитъ только черезъ двери или черезъ небольшія дыры, продѣланныя вверху стѣнъ, тогда какъ въ новомъ павильонѣ вездѣ чисто и опрятно и все свидѣтельствуетъ, какъ о позднѣйшей эпохѣ построенія этого павильона, такъ и о нѣкоторомъ прогрессѣ Хивинцевъ въ устройствѣ своихъ жилищъ. Кромѣ тѣхъ прудовъ, которые устроены вблизи жилыхъ покоевъ, во дворцѣ есть еще два пруда: одинъ въ углу сада у канала, въ тѣни густой зелени, предназначается для купанія одалыкъ, для чего по сторонамъ его и сооружены двѣ глиняныя, мѣстныя ванны, въ видѣ четырехъ угольнаго ящика, и небольшой павильончикъ въ одну комнату для одѣванья и отдыха, другой же, расположенный въ центрѣ самой зелени, противъ втораго двора, называется ханскимъ прудомъ и по одну его сторону имѣется мѣсто для постановки ханской кибитки, и небольшое четырех-угольное каменное сидѣнье, въ родѣ открытой бесѣдки.

Этотъ послѣдній прудъ, такъ какъ и всѣ другіе, обсаженъ толстыми деревьями ветлы, ивы и вяза; въ самомъ же саду растутъ финики, абрикосы, сливы, яблони, гранаты, груши, тутовникъ, акаціи и огромное количество винограда, дынь и тыквъ. Прислуга при садѣ состоитъ изъ десяти рабочихъ, живущихъ около дворца въ небольшихъ домикахъ; всѣ они, также какъ и главный садовникъ, — изъ плѣнныхъ Персіанъ; вода въ садъ впускается изъ канала Полвана и наполняетъ не только собственно садовые пруды и канавы, но и тѣ резервуары, которые находятся въ жилыхъ дворахъ.

Войдя во дворецъ, со стороны канала, мы, не останавливаясь въ саду, были проведены прямо на первый дворъ, въ большую комнату устланную коврами и циновками, гдѣ и разсѣлись на полу, поджавъ подъ себя ноги, въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній приставленнаго къ намъ въ качествѣ пристава хивин-

скаго чиновника (диванъ-бабы). Хозяева долго ждали себя не заставили—они заранее знали о времени нашего приѣзда, и потому сейчас же по нашемъ входѣ въ комнату явилось и ханское угощеніе. Не буду васъ утруждать поименованіемъ всѣхъ поданныхъ намъ блюдъ, скажу только, что счетомъ ихъ было двадцать-семь и они состояли, кромѣ различныхъ фруктовъ, изъ плава, жареной баранины, леденцовъ и яичнаго бѣлка, сбитаго съ сахаромъ и пылью, такъ какъ приготовленіе послѣдняго лакомства, вѣроятно, происходило на открытомъ воздухѣ. Бѣлокъ этотъ очень правился самимъ хивинскимъ чиновникамъ и они преспокойно запускали въ него свои грязныя руки и, поймавъ часть смѣси на палецъ, отправляли ее въ ротъ, обсасывая потомъ пальцы нѣсколько минутъ, съ видомъ величайшаго наслажденія. Собственно же начальнику миссіи, кромѣ общаго угощенія, было поднесено девять головокъ сахару и нѣсколько фунтовъ чаю, какъ знакъ особеннаго почета къ его особѣ. Ко всѣмъ кушаньямъ ни вилокъ, ни ножей, ни ложекъ не полагалось, а всякій изъ присутствующихъ долженъ былъ обходиться собственными средствами, т. е. пальцами. Хлѣбъ, поданный на угощеніи, состоялъ изъ тоненькихъ, въ четверть дюйма толщиной, большихъ лепешекъ, очень черствыхъ даже въ свѣжемъ своемъ состояніи и которыя въ послѣдствіи извѣстны были въ нашемъ конвоѣ подъ именемъ «хивинскихъ газетъ».

Попробовавъ туземной кухни на столько, на сколько позволялъ нашъ походный аппетитъ, а главное европейская брюзгливость, мы приступили за тѣмъ къ размѣщенію въ отведенныхъ намъ во дворцѣ квартирахъ. Комнаты перваго, отъ главнаго входа, двора были заняты начальникомъ миссіи и нѣкоторыми изъ нашихъ чиновниковъ; во второмъ дворѣ и павильонѣ съ бельведеромъ, помѣстились конвой и его офицеры; наконецъ въ саду и новомъ павильонѣ расположились остальные члены миссіи; тутъ же вблизи новаго павильона, около пруда, основала свою резиденцію на открытомъ воздухѣ и диванъ-баба. Первые дни нашего пребыванія во дворцѣ прошли въ хлопотахъ по устройству хозяйства, такъ какъ Хивинцы, угостивъ насъ еще два своимъ столомъ, вскорѣ, къ живѣйшей нашей радости, отказались отъ собственного приготовленія кушанья.

Наконецъ, 28-го іюля былъ назначенъ миссіи торжественный приемъ у хана. Одѣвшись въ полную парадную форму, мы часа въ четыре пополудни сѣли на лошадей и сопровождаемые

даргою, неразлучнымъ диванъ-бабою и другими чиновниками, отправились въ самый городъ. Жаръ былъ страшный и мы версты съ полторы буквально шли въ туманѣ пыли, пока не добрались до первой городской стѣны; при вѣздѣ въ Хиву, увидѣли въ первый разъ регулярное ханское войско, разставленное въ видѣ шпалеръ по обѣимъ сторонамъ воротъ; стражи этой было чело-вѣкъ до пятидесяти, принадлежавшихъ безъ исключенія къ плѣннымъ Персіянамъ; мѣшковатый ихъ нарядъ, прикладываемый къ сердцу руки, умоляющіе взгляды и самая поза (они стояли въ наклонномъ положеніи, опираясь спиною въ стѣну) представляли много жалкаго и смѣшнаго. Одежда этого караула отличалась азіатской пестротой: на однихъ были красныя куртки, на другихъ тиковыя, на третьихъ нанковыя; шаравары по большей части сшиты изъ полосатаго тика, который у насъ, на Руси, употребляютъ преимущественно на пуховки; ноги одѣты въ большіе неуклюжіе сапоги и башмаки, а на головахъ откинувшись на затылокъ, торчали оборванные бараньи шапки. Вооруженіе состояло изъ одноствольныхъ, по большей части, пистонныхъ ружей, у которыхъ курки, однако же, были такъ тщательно обмотаны веревками и войлокомъ, что потребовалось бы весьма много времени, чтобы изготовиться къ пальбѣ. Ружья эти держались обѣими руками, такимъ образомъ, что стволъ у каждаго солдата лежалъ на лѣвомъ плечѣ, а прикладъ покоился на желудкѣ. Нѣкоторые изъ стражи, кромѣ ружей, были вооружены еще и кривыми саблями въ кожаныхъ чхлахъ.

Проѣхавъ ворота, мы потянулись по узкимъ и извилистымъ улицамъ города; лошади наши безпрестанно оступались въ глубокія ямы, а мы сами рѣшительно не знали, куда дѣваться отъ духоты, пыли и множества народа, тѣснившаго насъ съ боковъ и бѣжавшаго съ крикомъ «Ильчибекъ! Ильчибекъ!» (посланникъ, посланникъ) сзади и спереди нашего кортежа. Проѣдя такимъ образомъ съ версту, достигли другой стѣны или, лучше сказать, цитадели, вѣхавъ въ которую вскорѣ очутились на небольшой площадкѣ, передъ большимъ глинянымъ зданіемъ, которое оказалось ханскимъ дворцомъ. Едва имѣя возможность отъ страшнаго столпленія народа слѣзть съ лошади, мы, не смотря на щедро раздаваемые хивинскими чиновниками палочные удары, кое какъ протерлись въ ворота дворца и въ слѣдъ за тѣмъ вошли въ небольшой дворикъ, гдѣ насъ принялъ мехтеръ—хивинскій министръ иностранныхъ дѣлъ; тутъ пробыли мы нѣ-

сколько минутъ, въ ожиданіи доклада хану о нашемъ прибытіи. Получивъ приглашеніе предстать предъ грозныя очного высокостепенства, мы, руководимые хивинскимъ церемоніймейстеромъ, перешли узкимъ крытымъ корридормъ на второй дворъ, со второго на третій и потомъ въ четвертый. Въ первыхъ трехъ дворахъ и въ переходахъ изъ одного въ другой, вдоль всѣхъ стѣнъ, были усажены различные хивинскіе чиновники, сидѣвшіе на полу поджавъ подъ себѣ ноги, и плотно прислонясь другъ къ другу. Эта живая шпалера хранила глубокое молчаніе во все время нашего шествія и только по быстрымъ, изумленнымъ ихъ взглядамъ можно было заключить, что мы видимъ передъ собой живыхъ людей. (Въ послѣдствіи оказалось по справкамъ, что число всѣхъ засѣдавшихъ въ это время во дворцѣ чиновниковъ простиралось до шестисотъ человѣкъ). Войдя на четвертый дворъ, мы были остановлены церемоніймейстеромъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа. Дворъ этотъ состоитъ изъ трехъ сплошныхъ высокихъ стѣнъ, а къ четвертой примыкаетъ крытая сверху и открытая во дворъ галлерей, сообщающаяся, какъ можно было заключить по разнымъ выходящимъ на нее дверямъ, съ жилыми покоями. Галлерей возвышается надъ помостомъ двора сажени на полторы и стѣнывыходящихъ на нее комнаты покрыты синими изразцами. На этой то галлерей, прислонясь спиной къ одной изъ колоннъ и поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ на небольшомъ коврѣ, облокотясь лѣвой рукой на подушку, крытую розовымъ канасомъ, повелитель Ховорезма Сеидъ-Магометъ - ханъ. Не вдалекѣ предъ ханомъ стоялъ небольшой, довольно потертый подносъ накладнаго серебра и серебрянный чайникъ; съ боку, съ правой стороны, лежали подлѣ него кинжалъ и пистолетъ. Отвѣтивъ на наши поклоны легкимъ киваньемъ головы и посмотрѣвъ съ едва замѣтной улыбкой на нашъ народъ, ханъ, чрезъ переводчика, вступилъ въ разговоръ съ начальникомъ миссіи. Послѣ первыхъ обоюдныхъ привѣтствій, была поднесена его высокостепенству Высочайшая грамота, которую принялъ одинъ изъ присутствовавшихъ при аудіенціи хивинскихъ сановниковъ; но когда сей послѣдній хотѣлъ было подать грамоту хану прямо съ низу, тогда Сеидъ Магометъ знакомъ велѣлъ ему войти на галлерей и тамъ распечатать, послѣ чего, принявъ грамоту изъ рукъ сановника и поглядѣвъ на нее, неразворачивая, положилъ около себя. За тѣмъ представлены были всѣ чиновники, при чемъ хана видимо изуми-

ло, что въ такой маленькой миссіи находятся два хакима (доктора). Послѣ этого, поговоривъ еще нѣсколько минутъ, начальникъ миссіи получилъ приглашеніе отъ церемоніймейстера окончить аудіенцію и мы, пятась къ двери (по хивинскому этикету, повернуться къ хану при прощаніи задомъ не позволено), отретировались на ближайшій дворъ и оттуда, мимо тѣхъ же статуй, прошли обратно къ своимъ лошадямъ и, сопровождаемые огромной толпой народа, возвратились благополучно во-свои. Здѣсь нельзя не замѣтить, что въ то время, какъ мы находились у хана, видѣнная нами у первыхъ воротъ стража, бѣгомъ была приведена къ дворцу, такъ что, когда мы, окончивъ аудіенцію, подходили къ нашимъ лошадямъ, то стража, растрепанная и запыхавшаяся, стояла уже у дворцоваго выхода.

Физиономія Сеидъ-Магометъ-хана не представляетъ ничего особеннаго; это довольно плотный мужчина, средняго роста, съ полнымъ, круглымъ и нѣсколько рябоватымъ лицомъ; носъ у него, вопреки узбекскому происхожденію, небольшой, губы тонкія, съ постоянно-блуждающей на нихъ довольно хитрой улыбкой. Что же касается глазъ, усовъ и бороды, то они во всемъ согласны съ нашими русскими паспортами, т. е. глаза обыкновенные, усы и борода рѣдкіе, особыхъ же примѣтъ въ родѣ бородавокъ, шишекъ, или чего нибудь такого, лицо хана не имѣетъ. Одежда хана состояла изъ шелковаго халата съ бѣлыми и лиловыми узенькими полосками, а на головѣ была надѣта, общая у всѣхъ Узбековъ, высокая смущатая черная шапка. На видъ хану не болѣе 35—40 лѣтъ и онъ управляетъ ханствомъ съ 1856 года. Вступивъ на престолъ послѣ юнаго Кутлумурата, убитаго въ собственномъ дворцѣ туркменскимъ посланцемъ (*), Сеидъ-Магометъ долженъ былъ съ самаго же начала

(*) Хивинцы такъ рассказываютъ объ этомъ происшествіи: одинъ изъ Узбековъ, домогавшійся хивинскаго престола, бѣжалъ къ Туркменамъ, и когда Кутлумуратъ сѣлъ на ханство, Узбекъ этотъ рѣшился явиться въ Хиву, въ качествѣ туркменскаго посланца и принести новому хану повинную. Сопровождаемый огромнымъ числомъ Туркменъ, претендентъ получилъ позволеніе представиться къ хану во дворцѣ, былъ очень милостиво принятъ и въ то время, когда довѣрчивый Кутлумуратъ допустилъ къ себѣ посланца, узбекъ вонзилъ ему въ спину кинжалъ, который у него былъ спрятанъ въ рукавъ; послѣ этого убійства, произошла между Хивинцами и Туркменами въ самой Хивѣ страшная рѣзня и когда Туркмены начали было брать верхъ, тогда Хивинцы обратились съ мольбою о помощи къ Полванъ-Ата, который мигомъ навелъ на Туркменъ ужасъ и они всѣ были перебиты, такъ что число труповъ ихъ простиралось до 5 тысячъ.

своего управленія бороться, какъ съ интригами придворныхъ, привыкшихъ со временъ хана Алла-Кула непрерывно мѣнять своихъ правителей, такъ и съ необузданной туркменской вольницей, признававшей власть Хивы надъ собой только номинально и старавшейся доставить ханское званіе кому-либо изъ своихъ родичей. Много надо было имѣть такту и хитрости, чтобы по возможности утишить придворныя интриги и успокоить Туркменъ, въ особенности же обезпечить себя со стороны тогдашняго мехтера (министра иностранныхъ дѣлъ и министра финансовъ) Якуба, ловкаго и коварнаго вельможи, который, со смертію Алла-Кула, самовластно управлялъ Хивою и распоряжался ея престоломъ. Мехтеръ, въ свою очередь, тоже очень скоро понималъ грозившую ему опасность и потому, со вступленіемъ на престомъ Сеидъ-Магомета, счелъ за лучшее устранить себя отъ государственныхъ дѣлъ и не являться ко двору. Такъ прошло окло года, взаимныя опасенія хана и мехтера, казалось, начали исчезать совсѣмъ и вотъ въ день рамазана виновный министръ рѣшился предстать передъ своего повелителя и смиренно облобызывать полу его халата, когда ханъ проходилъ въ мечеть. Дѣло, повидимому, кончилось миролюбиво; ханъ обнялъ бывшаго своего врага и обнадеживъ въ своей милости, пригласилъ его въ тотъ же вечеръ, въ числѣ немногихъ избранныхъ лицъ, во дворецъ къ себѣ на угощеніе. Якубъ не помнилъ себя отъ радости и поспѣшилъ на призывъ своего повелителя. Но во дворцѣ ждала мехтера жестокая участь: ханъ, припомнивъ ему всѣ его интриги и заговоры, какъ противъ себя, такъ и противъ своихъ предшественниковъ, приказалъ взять министра 4 рабамъ и отвести въ особую комнату, гдѣ были уже заранѣе приготовлены всевозможныя орудія пытки. Всю ночь, въ присутствіи самого хана, производились истязанія довѣрчиваго министра, всю ночь раздавались во дворцѣ, къ великому ужасу придворныхъ, жалобные крики страдальца и тщетно сей послѣдній просилъ о скорѣйшемъ прекращеніи жизни. Сеидъ-Магометъ былъ немолчимъ; онъ медленно мучилъ Якуба всѣми возможными способами и только къ утру далъ приказаніе отсѣчь мехтеру голову, а все имѣніе его и дома отобрать въ казну. Такая продѣлка познакомила поближе придворныхъ съ характеромъ ихъ хана и они съ того времени безпрекословно подчинились всѣмъ малѣйшимъ прихотямъ Сеидъ-Магомета и сдѣлались самыми покорными его рабами. Исчезло, какъ говорятъ сами Хивинцы, съ тѣхъ поръ

всякое веселіе въ ихъ столицѣ и когда то шумная и разгульная узбекская молодежь, теперь преспокойно отходить ко сну, тотчасъ же послѣ вечерней молитвы, тогда какъ въ старые годы, при Алла-Кулѣ, она, говорятъ, гуляла всегда за полночь.

Но если Сеидъ-Магометъ такъ удачно успѣлъ запугать своихъ придворныхъ, то съ другой стороны вишія его дѣйствія не принесли ханству ничего, кромѣ раззоренія. Непокорность сосѣднихъ туркменскихъ племенъ возрасла, въ настоящее правленіе, до немовѣрной степени и туркменскія шайки не только наводняютъ своими разбоями всю часть ханства, лежащую къ западу отъ Аму-Дарьи, но даже простираютъ свои набѣги до самыхъ стѣнъ столицы.

Лишась отъ этихъ разбоевъ значительной части доходовъ и не выказывая никакой энергіи въ противодѣйствіи Туркменамъ, Сеидъ-Магометъ спокойно сидитъ въ Хивѣ, не обращая никакого вниманія на раззореніе подвластныхъ ему земель. Такая апатія правителя, конечно, ведетъ къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ, такъ что теперь стоитъ только показаться гдѣ нибудь одному немирному Туркмену, чтобы разогнать цѣлую узбекскую деревню. Паническій страхъ дошелъ даже до такой степени, что при одномъ имени Туркмена, Узбека уже начинаетъ корчиться и онъ торопливо и робко осматривается во всѣ стороны, какъ бы боясь какого-то призрака. Но не подумайте, однакожь, чтобы такой страхъ происходилъ вслѣдствіе какихъ либо понесенныхъ Узбеками пораженій, — совсѣмъ нѣтъ. Правда, что плѣнный Узбекъ сейчасъ же лишается головы, какъ только попадется къ Туркменамъ и, наоборотъ, Узбеки дѣлаютъ тоже самое и съ плѣнными Туркменами, но такія плѣненія бываютъ рѣдко, по большей же части, сраженія враждующихъ племенъ кончаются другимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, во время нашего пребыванія въ Хивѣ, пришло туда извѣстіе о большомъ сраженіи, происшедшемъ у Туркменъ съ Узбеками при г. Ташаусѣ, и мы, конечно, тотчасъ же полюбопытствовали узнать на счетъ его подробности у состоявшихъ при миссіи хивинскихъ чиновниковъ, но вообразите наше удивленіе, когда мы услышали, что сраженіе было самое жаркое, продолжалось цѣлый день и кончилось тѣмъ, что Туркмены ранили одного Узбека и захватили двухъ коровъ и барана! Таковы-то военныя дѣйствія туркменскихъ шайкъ, но тѣмъ не менѣе онѣ сильно раззоряютъ своими разбоями Узбековъ, а главное почти совсѣмъ прерываютъ

торговля сношенія ханства, какъ съ туркменскими землями, лежащими близъ Каспійскаго моря, такъ равно и съ Персїей, отчего въ настоящее время рынки здѣшніе очень обѣднѣли и люди, бывавшіе въ Хивѣ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, говорили намъ, что отъ прежняго торговаго движенія въ этомъ ханствѣ не осталось теперь и половины. Подтвержденіемъ этому можетъ служить отчасти и лавочная торговля самой столицы: самыя простыя шолковыя и полушолковыя матеріи, армячина, ситцы, коленкоры, бязь, бумажные платки, бѣлая обыкновенная кисея, зеленый чай, шолкъ сырецъ, туркменскіе простые ковры, мерлушка обыкновенная и каракульская, готовые стеганные на ватѣ халаты, хлопчатая бумага очищенная и въ головкахъ, изрѣдка марена, еще рѣже китайскій и русскій фарфоръ, маленькія головки сахару русской фабрикаціи, дешевыя сукна, плсть, плохой бархатъ и еще болѣе плохая парча, уродливыя хивинскіе сапоги и туфли, кунжутное сѣмя и масло, главнымъ образомъ наполняютъ здѣшній гостиный дворъ. Если къ этому прибавить еще различныя сушеные фрукты, стручковый перецъ, синьку, мыло, сундуки, ничтожную часть бирюзы, ртути, различныхъ самыхъ простыхъ желѣзныхъ подѣлокъ, писчей грубой бумаги, спичекъ, свѣчей салныхъ и бухарскаго табаку, то, кажется, мы будемъ имѣть довольно близкое къ истинѣ понятіе о предметахъ торговли хивинскаго рынка.

Торговля сношенія Хивы съ Персїей, какъ я уже и замѣчалъ, въ послѣднее время, дошли до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ и при насъ пришло изъ Мешеда только два небольшихъ каравана, въ 30 верблюдовъ каждый, и то заплатившихъ за проходъ свой туркменскимъ разбойникамъ весьма значительную плату. Караваны эти, кромѣ разныхъ мелочей, привезли кисеи и ковры. Изъ Бухары, во время нашего пребыванія въ Хивѣ, пришло тоже только два маленькихъ каравана, въ 8 верблюдовъ каждый, которые слѣдовали по степямъ между Бухарой и Аму также не безъ опасности быть ограбленными Туркменами. Бухарцы привезли мерлушки, шолковыя издѣлія своей фабрики, китайскія чашки и проч. Такимъ образомъ, Хива, кромѣ мѣстной производительности, главнѣйше снабжается всѣми необходимыми товарами изъ Россіи и даже въ такомъ количествѣ, что производитъ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ желѣзными подѣлками, транзитную торговлю съ Бухарою, отправляя въ это ханство собственно изъ своихъ произведеній еще весьма незначительное

число невыдѣланныхъ бычачьихъ шкуръ. Въ заключеніе объ товарахъ, имѣющихся на хивинскомъ рынкѣ, можно сказать еще то, что мы обошли почти всѣ лавки г. Хивы и, кромѣ нѣкоторыхъ кисей и чаю, принадлежащихъ къ англійской торговлѣ и дошедшихъ сюда въ самомъ ничтожномъ количествѣ транзитомъ черезъ Персїю, не нашли ничего изъ европейскихъ мануфактурныхъ произведеній, чтобы не принадлежало къ русской фабрикаціи. Но за всѣмъ тѣмъ, нельзя не пожалѣть, что мы не имѣемъ подъ рукою цифръ Оренбургскаго Таможеннаго округа и свѣдѣній о торговлѣ самаго промышленнаго хивинскаго города Нововаго Ургенча, тогда можно было бы судить болѣе положительно о ходѣ торговли нашей съ Хивинцами въ послѣдніе года. Разбой Туркменъ и вслѣдствіе того исключительное направленіе здѣшнихъ и нашихъ товаровъ по Аму и черезъ Айбугирь, требующее частыхъ перегрузокъ, малая потребность туземнаго населенія въ цѣнныхъ вещахъ и наконецъ общее обѣднѣніе, замѣчаемое въ ханствѣ въ послѣднее время и главнѣйшимъ образомъ происходящее отъ тѣхъ же Туркменъ, вѣроятно имѣли нѣкоторое вліяніе и на обмѣнъ нашихъ произведеній Хивинцамъ.

Я не пишу полного статистическаго очерка столицы ханства, а потому и прошу васъ заранѣе извинить меня, если въ письмѣ моемъ, вы встрѣтите мало послѣдовательности въ изложеніи и нѣкоторые скачки отъ одного предмета къ другому. Такъ и теперь, сообщивъ вамъ кое-что о торговлѣ хивинскаго рынка, я не сказалъ еще ни слова ни о мѣстѣ, на которомъ построенъ г. Хива, ни объ его наружности, — спѣшу исправить свою опрометчивость.

Г. Хива расположенъ на обширной песчаноглинистой равнинѣ, изрѣзанной во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ каналами и канавками. Изъ числа главныхъ каналовъ, одинъ, а именно Полванъ-Ата, имѣющій здѣсь ширины до 3-хъ сажень, огибаетъ городъ съ сѣверной стороны, а другой Ингрикъ съ юго-восточной; отъ этихъ двухъ каналовъ, въ свою очередь, проведены канавки по всѣмъ окрестностямъ Хивы и на нихъ то расположена большая часть ханскихъ дворцовъ, садовъ и дачъ вельможъ и зажиточныхъ людей. Въ одномъ изъ этихъ загородныхъ садовъ, а именно въ *Гильдеманъ*, находящемся на лѣвомъ берегу Полвана, имѣла пребываніе наша миссія, а къ югу отъ него, не въ далекомъ разстояніи, близъ канала Ингрикъ, находится дво-

рецъ Ангерикъ, который занимала наша же миссія, бывшая здѣсь въ 1841 году подъ начальствомъ г. Данилевскаго.

Собственно же самому городу, кромѣ небольшихъ канавокъ изъ Полвана и Ингерика, даетъ воду еще 3-й каналъ, протекающій между двумя означенными и называемый Чарджейли. Каналъ этотъ входитъ въ городъ съ восточной стороны и, пройдя нѣкоторое разстояніе, раздѣляется на двѣ вѣтви: одна протекаетъ черезъ всю Хиву, а другая, пройдя черезъ небольшую часть города и обтекающая потомъ по сѣверной его сторонѣ, далѣе, подобно всѣмъ прочимъ каналамъ и канавкамъ, постепенно разбирается на поля и сады и наконецъ исчезаетъ въ пескахъ къ западу отъ Хивы.

Хива окружена высокою глиняною стѣною до $3\frac{1}{2}$ саж. высоты, построенною Ханомъ Агла-Куломъ въ 1842 году, передъ выступленіемъ его въ походъ противъ Бухары. Стѣна эта, простирающаяся въ окружности до 6 верстъ, построена безъ всякаго повятія о какой либо системѣ, и имѣетъ по всей своей длинѣ сгуживающіяся къ верху башни, вершины которыхъ, какъ равно и самой стѣны, сдѣланы зубцами.

Ни рва, ни гласиса, ни даже эспланады, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ пустырей, передъ этой стѣною нѣтъ; для входа же въ городъ, въ стѣнѣ продѣлано 12 воротъ. Толщина стѣны, доходящая внизу до 4 саж., къ верху уменьшается и во многихъ мѣстахъ въ стѣнѣ образовались уже во всю ея высоту значительныя трещины.

Внутри этой главной ограды и ближе къ ея южной сторонѣ, расположена другая ограда или, лучше сказать, цитадель, тоже состоящая изъ высокой глиняной стѣны съ башнями по угламъ и имѣющая видъ продолговатаго отъ сѣвера къ югу четырехугольника. Въ этой цитадели помѣщается ханскій дворецъ, арсеналъ, казначейство и нѣкоторые изъ домовъ вельможъ. Передъ цитаделью тоже ни рва ни эспланады не имѣется, а напротивъ городскія зданія примыкаютъ до такой степени близко къ ея стѣнѣ, что если вы не обратите вниманія на вѣздъ, ведущій въ цитадель, то рѣшительно не замѣтите, гдѣ она начинается. Изъ города въ цитадель ведутъ трое воротъ: одни Абдалъ-баба, на—востокъ, другія Бакчи-Дарвача, —на сѣверъ и третьи Шермухаметъ-Ата —на западъ; близъ восточныхъ воротъ цитадели и составляя часть ея стѣны, расположенъ каменный караванъ-сарай, въ два этажа, съ небольшимъ въ срединѣ дворомъ, имѣющій до 45 лавокъ; къ караванъ-сарая же примыкаетъ каменный гостинный дворъ, съ

купальными, открытыми въ верху сводами и различными колоннами, сообщающійся съ цитаделью особымъ отъ помянутыхъ воротъ входомъ. Дворъ этотъ выстроенъ весьма недурно, но, вѣроятно, со времени своего сооруженія, ни разу не былъ ни бѣленъ, ни чищенъ. По обѣимъ сторонамъ улицъ гостиннаго двора расположены небольшія лавки съ деревянными сдвижными затворами; число лавокъ простирается до 200. Искусство постройки и расположения этого рода невольно обратили на себя наше вниманіе и мы къ совершенному удовольствію узнали, что онъ выстроенъ подъ руководствомъ двухъ какихъ-то плѣнныхъ русскихъ, астраханскихъ мѣщанъ, научившихъ своему ремеслу и нѣкоторыхъ изъ Хивинцевъ.

За тѣмъ, кромѣ караванъ-сарая и гостиннаго двора, изъ другихъ городскихъ строеній можно обратить вниманіе развѣ только на нѣкоторыя медресе и мечети; изъ послѣднихъ, по своей обширности и постройкѣ, стоятъ быть упомянутыми: мечеть Полванъ-Ата, замѣчательная повнутренней своей отдѣлкѣ изразцами; по находящейся въ ней гробницѣ святаго того же имени, особенно чтимаго хивинцами, и мечеть Сентъ-Бай, довольно красиво выстроенное зданіе изъ мѣстнаго квадратнаго кирпича; но въ особенности же недурна вновь выстроенная близъ дворца мечеть Могаметъ-Аминия, которой огромный и высокій минаретъ весь обложенъ кусочками лаписъ-лазури. Изъ медресе же лучше другихъ Кутлумуратъ-Инахъ, довольно чистенькое большое зданіе; всѣ же другія на видъ очень грязны и большею частію построены изъ глины.

Улицы Хивы узки, кривы и изрыты глубокими ямами, образовавшимися въ рыхломъ ихъ песчано-глинистомъ грунтѣ; ни одной улицы не встрѣчалось намъ мощеной, а потому можете судить, до какой степени здѣсь пыльно. Всѣ частныя зданія исключительно построены изъ глины и притомъ перѣдко такъ малы и грязны, съ такими выходами и лазейками на улицу, что, право, незнаешь, какъ отличить въ этихъ хлѣвахъ дверь отъ окна; кровли всѣ плоскія; ширина нѣкоторыхъ улицъ такова, что иначе какъ одному верховому и проѣхать нельзя. Мелочныя лавки всѣ глиняныя и правобѣрные располагаются въ нихъ какъ дома, ѣдятъ, пьютъ тутъ, шьютъ и готовятъ часто разныя кушанья и здѣсь же совершаютъ свои омовенія и молитвы.

Невдалекѣ отъ гостиннаго двора, находится небольшой прудъ, обстроенный со всѣхъ сторонъ высокими домами, между

которыми, въ одномъ только мѣстѣ, продѣлана узкая лазейка для прохода. Прийдя на этотъ прудъ, вы очутитесь на невольничьемъ рынкѣ, который по преимуществу снабжается плѣнными Персіянами и Персіянками, доставляемыми сюда Туркменами; въ послѣднее время, однакожь, торгъ этимъ товаромъ значительно уменьшился, по случаю возмущенія Туркменъ, и во все время нашего пребыванія въ Хивѣ, мы видѣли на рынкѣ только старуху лѣтъ 60, двухъ мальчиковъ отъ 9—12 лѣтъ, да прехорошенькую дѣвушку лѣтъ 14, но уже вполне сформировавшуюся. Всѣ эти несчастные сидѣли на землѣ въ самомъ проходѣ къ пруду, загроможденномъ палкою; въ случаѣ покупки невольниковъ или невольницъ, ихъ ведутъ во внутренность рынка, гдѣ въ особенно-устроенныхъ комнатахъ раздѣваютъ и осматриваютъ товаръ во всѣхъ подробностяхъ. При этомъ умужинъ обращается преимущественно вниманіе на крѣпость мышцъ, а у женщинъ и дѣвушекъ на красоту и упругость формъ. Когда мы осматривали рынокъ, то продававшаяся дѣвушка кокетливо смотрѣла на насъ и казалось очень хотѣла попасть, вмѣсто какого нибудь старика Узбека, къ молодымъ Уруссамъ. Цѣна дѣвушкѣ была назначена 30 тилъ (60 руб. сер.), но приобрѣтеніе, какъ ея, такъ и другихъ невольниковъ, разрѣшается только однимъ мусульманамъ.

При врожденной лѣности Узбековъ, при общемъ недостаткѣ рабочаго класса, Персіяне рабы играютъ здѣсь весьма важную роль и почти положительно можно сказать, что безъ этой посторонней помощи, половина обработанныхъ нынѣ земель ханства лежала бы въ запустѣніи. Вотъ причина, почему хивинское правительство всѣми возможными мѣрами способствуетъ Туркменамъ производить набѣги на пограничныя съ ними персидскія области и почему оно такъ дорожитъ плѣнными своими рабами, что если и разрѣшаетъ ихъ выкупъ, то развѣ за весьма дорогую плату. Обыкновенно же плѣнный Персіянинъ работаетъ у своего хозяина до тѣхъ поръ, пока кромѣ работы не выплатитъ ему той суммы, которая была за него заплачена, и тогда онъ дѣлается свободнымъ гражданиномъ хивинскаго ханства, но возвращеніе его на родину, за весьма рѣдкими исключеніями, строго воспрещается, развѣ уже онъ по лѣтамъ своимъ такъ старъ, что становится неспособнымъ ни къ какой работѣ.

Желая по возможности привязать рабовъ къ новому отечеству, Узбеки обыкновенно стараются ихъ женить, принскивая уже сами имъ невѣсть, которая большею частію бываютъ тоже плѣн-

ныя Персіянки изъ собственнаго гарема хозяина, или же обвѣщавшія красавицы изъ гарема ханскаго. Но несмотря на нѣкоторую дѣйствительность этого средства, невольники не забываютъ своей родины, и намъ часто случалось встрѣчать пятидесятилѣтнихъ и шестидесятилѣтнихъ стариковъ, которые, пробывъ въ Хивѣ около двадцати и болѣе лѣтъ и приживъ здѣсь нѣсколько человѣкъ дѣтей, все-таки мечтали о возвращеніи на родину и съ немовѣрной терпѣливостію собирали копѣйку за копѣйкой, чтобы выплатить хозяину заплаченную за нихъ сумму. Обращеніе Узбековъ съ плѣнными рабами, за исключеніемъ наказаній за побѣги, вообще довольно кротко, тѣмъ болѣе, что владѣльцы, да и самъ ханъ, очень хорошо понимаютъ, что изъ всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ постигнуть ханство, одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ было бы общее возстаніе рабовъ Персіянъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ до 10 тысячъ.

Торговля различными съѣстными припасами, сосредоточивается въ небольшихъ лавкахъ и базарахъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ города; главный же для этихъ предметовъ рынокъ находится въ восточной части города, вблизи главной или передовой стѣны. Здѣсь продаются фрукты, плоды, лепешки, мука, рисъ, мясо, трава, джугара и проч.; здѣсь же поставлена висѣлица вышиною саж. въ 1½ и производятся публичныя казни, всегда назначаемыя не иначе, какъ по ханскому повелѣнію. За недѣлю до нашего прихода въ Хиву, на этомъ базарѣ были повѣшены, за предосудительную связь, женщина и одинъ Персіянинъ; во время же нашего пребыванія были казнены одинъ Туркменъ за разбой и одинъ Узбекъ за воровство; имъ распоролы животы и, вытащивъ внутренности, бросили въ такомъ видѣ на базарѣ, гдѣ они, какъ и всѣ казненные преступники, пролежали нѣсколько дней для назиданія народа. Мы видѣли этихъ несчастныхъ и не могли не пожалѣть ихъ, въ особенности же Узбека, который по своимъ формамъ былъ вполне богатыремъ и красавцемъ. Странно и грустно только то, что вообще такое изуверство съ осужденными, часто даже невинными, не пробуждаетъ къ нимъ въ народѣ рѣшительно никакого сочувствія и толпа съ презрѣніемъ смотритъ на обезображенные трупы, плюетъ на нихъ и глумится до тѣхъ поръ, пока казненному не отрубятъ головы и не воткнуть ее на колъ, тутъ же на базарѣ, а туловища не утащутъ куда нибудь за городъ. По разсказамъ Хивинцевъ, у нихъ употребляется въ настоящее время казни трехъ родовъ: 1) для

Узбековъ, исключая какихъ либо особенныхъ случаевъ, петля; 2) для Туркменъ распарываніе живота, и 3) самая ужаснѣйшая для плѣнныхъ Персіянъ, которыхъ, впрочемъ, только за одни побѣги, сажаютъ на колъ. Предъ нашимъ приходомъ подвергся такой участи одинъ несчастный, у котораго колъ вышелъ въ бокъ и Персіянинъ прожилъ въ такомъ положеніи и въ страшныхъ страданіяхъ двое сутокъ. Напрасно онъ умолялъ, чтобы ему дали глотокъ воды, для утоленія страшно снѣдавшей его жажды, окружавшему его народу: подлѣ смертною казнію было запрещено исполнять просьбы осужденнаго и онъ умеръ, проклиная и Хивинцевъ и день своего рожденія.

Населеніе Хивы состоитъ изъ Сартовъ и Узбековъ. Сарты по преимуществу составляютъ торгующее сословіе въ ханствѣ и многіе изъ нихъ владѣютъ довольно значительными, по здѣшнему, капиталами, а именно: до 30,000 хивинскихъ червонцевъ (тиллъ), то есть до 60,000 руб. сер. Этотъ оборотливый классъ людей въ тоже время пользуется и весьма значительнымъ вліяніемъ на дѣла государственныя, такъ какъ вся промышленность ханства находится въ его рукахъ, да притомъ же, въ случаѣ какой либо нужды въ деньгахъ, а она, по бѣдности ханской казны, встрѣчается чуть ли не каждый день,—ханъ, кромѣ другихъ незаконныхъ сборовъ, единственно въ подобномъ случаѣ находитъ отраду въ кошелькѣ своихъ купцовъ. Сословіе Узбековъ есть сословіе господствующее, родъ хивинскихъ дворянъ; они по преимуществу занимаютъ различныя должности въ ханскихъ войскахъ и въ управленіи, и многіе изъ нихъ владѣютъ весьма значительными участками земли и садами, обработка коихъ почти исключительно лежитъ на плѣнныхъ Персіянахъ.

Я уже имѣлъ случай говорить вамъ о красотѣ кунградскихъ женщинъ; тоже самое долженъ сказать и о жительницахъ Хивы. Намъ нерѣдко встрѣчались здѣсь представительницы прекраснаго пола, когда они прогуливались по улицамъ, или чаще всего отправлялись куда нибудь за городъ верхомъ на ослѣ, или же, цѣлой компаніей, въ неуклюжихъ арбахъ. При чемъ нарядъ женщинъ постоянно состоялъ изъ пестраго халата, накинутаго на голову, и изъ черной волосяной сѣтки, спускавшейся съ головы на все лицо; въ халатъ онѣ закутывались, какъ въ мантию, съ головы до ногъ, а прозрачность сѣтки давала имъ возможность прекрасно видѣть все окружающее. Скромность Хивинокъ вовсе не такъ велика, какъ это кажется съ перваго взгляда, и

намъ нерѣдко случалось видѣть, какъ женщина въ извѣстномъ переулкѣ, или въ полѣ, осмотрѣвшись кругомъ и не видя вблизи никого изъ своихъ мужчинъ, тотчасъ же подымала свою сѣтку и смотрѣла на Русскихъ, такъ бойко и смѣло и часто съ такой кокетливой, вызывающей улыбкой, на которую не рѣшилась бы и другая разбитная Европейка, особенно видя мужчину въ первый разъ. Кромѣ того, мы знаемъ нѣсколько случаевъ, по которымъ смѣло можемъ заключить, что супружеская вѣрность Хивинокъ и вообще ихъ цѣломудренность крайне сомнительны.

Заговоривъ о здѣшнемъ прекрасномъ полѣ, какъ то невольно является желаніе обратиться въ слѣдъ за тѣмъ къ состоянію здоровья у жителей благословеннаго г. Хивы, что постараемся сейчасъ же и исполнить. Всѣ посѣщавшіе г. Хиву Европейцы, находили климатъ этого города здоровымъ и пріятнымъ, что подтверждаетъ и нашъ соотечественникъ г. Данилевскій, у котораго въ миссіи, во все время пребыванія ея въ Хивѣ, не было ни одного сколько нибудь серьезнаго больного. Но если такія показанія и были справедливы, то развѣ только для извѣстнаго года и времени, а отнюдь не для вывода общаго положительнаго заключенія о свойствахъ здѣшняго климата. Безчисленное множество садовъ и канавъ, разбросанныхъ въ окрестностяхъ города, хотя и охлаждають жары, но все-таки не избавляютъ организмъ отъ вредныхъ послѣдствій, производимыхъ сухостью воздуха, въ слѣдствіе чего почти у каждаго изъ насъ сильно страдала грудь; кромѣ того, переходы отъ дневнаго жара къ вечерней прохладѣ, такъ мгновенны, испаренія отъ канавъ, по вечерамъ, такъ ощутительны, что не успѣешь надѣть теплаго платья, какъ уже все тѣло прозябнетъ и въ слѣдъ за тѣмъ являются послѣдствія болѣе или менѣе сильной простуды. Если къ этому прибавить изобиліе плодовъ земныхъ, то есть фруктовъ, сквозныя карточныя постройки хивинскихъ жилищъ, въ которыхъ вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ, несносную пыль, сѣдающую глаза, и много разныхъ другихъ обстоятельствъ, то вы поймете, въ какой степени здоровье забѣгаго человека можетъ пострадать отъ условій здѣшняго климата и мѣстности. Сами Хивинцы отъ сказанныхъ неудобствъ терпятъ, конечно, менѣе, но за то у нихъ есть еще и другія причины къ распространенію болѣзненности. Я уже говорилъ вамъ въ письмѣ изъ Кунграда о томъ, сколько намъ попадалось больныхъ въ сѣверной части ханства; въ Хивѣ также, какъ и на Айбугирѣ, нашимъ

медикамъ не было отбою: сифилисъ, золотуха, ревматизмъ и глазныя болѣзни, имѣютъ здѣсь такое огромное число своихъ поклонниковъ, что, право, нельзя не пожалѣть бѣдныхъ Хивинцевъ, лишенныхъ всякаго медицинскаго пособія. Первая болѣзнь, кромѣ вновь зараженныхъ, часто встрѣчалась и въ наслѣдственномъ, перерожденномъ видѣ, и притомъ у малютокъ всѣхъ возможныхъ возрастовъ. Нѣтъ спору, что нечистота помѣщеній и недостатокъ медицинскихъ средствъ, способствуютъ къ развитію означенныхъ болѣзней, но тѣмъ не менѣе, на распространеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя не признать и вліянія климата. Въ 40, а тѣмъ болѣе въ 45 и 50 лѣтъ, несмотря на всю бодрость наружности, человѣкъ здѣсь считается почти отжившимъ, въ извѣстномъ отношеніи, но, однакожь, желаніе продлить дѣятельность организма до такой степени неумѣренно и сильно развито у Хивинцевъ, что, не обращая вниманія ни на истощеніе силъ, ни на раны и болѣзни, ни на преклонность лѣтъ, они прибѣгаютъ ко всѣмъ возможнымъ возбуждательнымъ средствамъ, лишь бы добиться извѣстнаго результата. Многіе изъ состоявшихъ при миссіи чиновниковъ, въ томъ числѣ и почтенный приставъ диванъ-баба, нисколько не стѣсняясь, почти каждый день приступали къ нашимъ медикамъ, съ просьбою дать имъ хоть немножко тѣхъ капель, отъ которыхъ, какъ они наввно выражались, «родится дѣти». Капли эти они считаютъ неоцѣненнымъ, дороже всѣхъ возможныхъ подарковъ на свѣтѣ. Даже такой почтенный и важный сановникъ, какъ дарга, однажды, будучи вечеромъ у начальника миссіи, въ заключеніе серьезнаго дипломатическаго разговора, добавилъ, «что онъ считалъ бы себя вполне счастливымъ, если бы начальникъ миссіи приказалъ своимъ докторамъ отпустить ему комфортативу и притомъ, если можно, такъ тотчасъ же». Братъ перваго ханскаго министра Кушъ-Беги, считающійся здѣсь въ числѣ самыхъ почтенныхъ лицъ и носящій, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, названіе ханскаго отца (амалыкъ), пять лѣтъ уже страдалъ параличемъ и не могъ ходить; пособія нашихъ медиковъ дозволили этому семидесятилѣтнему старцу бродить по комнатѣ, при помощи слугъ и клюшекъ, — и что же? первую его просьбою къ докторамъ, какъ только онъ сталъ на ноги, была просьба о комфортативѣ. Мнѣ часто случалось присутствовать при сеансахъ нашихъ медиковъ, производившихся вблизи нашего дома, на открытомъ воздухѣ, куда каждый день собиралось значительное число больныхъ изъ города, и что

же? почти постоянно среди нихъ являлись такіе, которые были или безъ носу, или въ страшныхъ язвахъ, съ высохшими ногами, или еще болѣе уродливые, которыхъ окончательная просьба къ доктору состояла все-таки въ отпускѣ комфортатива. Что прикажете дѣлать въ такомъ климатѣ, какъ здѣшній, и съ такимъ народомъ, какъ Хивинцы, которые безвозвратно убиваютъ свои силы и притомъ, какъ напимѣръ, болѣе знатные, вовсе не натуральнымъ образомъ, а просто въ мужскихъ гаремахъ, къ которымъ они имѣютъ особое пристрастіе?

Теперь, отъ грустной картины человѣческихъ страданій, позвольте мнѣ перейти опять къ описанію нашей обыденной жизни въ Хивѣ.

15-го августа, мы были приглашены на ханскій праздникъ, который давался намъ въ загородномъ домѣ здѣшняго перваго министра Кушъ-Беги. Угощеніе происходило во второмъ дворѣ отъ входа, на крытой галлерей, и состояло изъ безмѣрнаго количества фруктовъ, жареной баранины и чаю, которыми вдоволь упитались не только мы, но и нашъ конвой. Въ числѣ присутствовавшихъ Хивинцевъ здѣсь были, кромѣ хозяина, еще мехтеръ и дарга, которые, однакожь, послѣ первыхъ привѣтствій тотчасъ же удалились въ сторону, гдѣ и оставались во все время нашего обѣда. Окончивъ ѣду и питье, и позабавивъ Хивинцевъ пѣснями и плясками нашихъ козаковъ, мы отправились, отъ нечего дѣлать, бродить по обширному хозяйскому саду, а хивинскіе сановники въ то же время вступили въ политическій разговоръ съ начальникомъ миссіи. Послѣ двухъ съ половиною часовыхъ совѣщаній, начальникъ миссіи распростился съ хозяиномъ и мы, забравъ, по здѣшнему обычаю, въ карманы разныхъ сластей, въ пять часовъ вечера возвратились въ свой домъ, съ стѣсненіемъ въ груди, отъ огромнаго количества выпитаго нами зеленаго чая, и съ легкой отрыжкой жирнаго плова и сальной баранины—двухъ первостепенныхъ здѣшнихъ кушаньевъ. Въ отплату, какъ за это, такъ и за всѣ другія угощенія Хивинцевъ, рѣшено было дать и имъ праздникъ въ домѣ миссіи. Приготовленія по этому случаю, заняли у насъ болѣе недѣли времени и, конечно, вы можете себѣ представить, что мы не ударили лицомъ въ грязь. Наполненіе хивинскихъ желудковъ всѣми возможными пловами и сластями, составляло дѣло легкое и удобное; паливка ихъ чаемъ тоже казалась не трудной; фейерверкъ же мы имѣли

съ собой изъ Оренбурга, а потому главнѣйшее вниманіе и было обращено на иллюминировку нашего дома.

Недостатокъ въ Хивѣ различныхъ средствъ, съ помощію которыхъ изготовленіе иллюминацій въ Европѣ не представляетъ особыхъ затрудненій, заставило насъ прибѣгнуть къ русской находчивости въ подобныхъ случаяхъ и воспользоваться такими матеріалами, которые были у насъ подъ рукой. Но прежде, чѣмъ буду говорить о нашихъ приготовленіяхъ, считаю долгомъ упомянуть, что вообще весь праздникъ устраивался подъ наблюдениемъ лейтенанта М., который уже не разъ бывалъ распорядителемъ въ подобныхъ случаяхъ въ Японіи, во время поѣздки въ эту страну.

За неимѣніемъ другихъ матеріаловъ, рѣшено было иллюминировать весь садъ разноцвѣтными фонарями и, вслѣдствіе этого, прислуга наша, въ нѣсколько пріемовъ, натаскала изъ города кучу бѣлаго коленкора, который немедленно же и былъ пущенъ въ скраску. Въ мастеровыхъ недостатка не случилось и дней за 5-ть до праздника, три дюжихъ оренбургскихъ козака, съ полной самоувѣренностію принявшись за красивое искусство, о которомъ до того времени не имѣли никакого понятія, живо придали бѣлому коленкору всевозможные цвѣта, тѣмъ болѣе, что краски какъ разъ сыскались подъ рукою. Въ запасномъ мѣшечкѣ одного линейца нашлось нѣсколько кусочковъ синьки, привезенной изъ Россіи—и явились на свѣтъ Божій синіе фонари; мигомъ были нарваны и растерты въ какомъ-то черепкѣ тутовые ягоды,—и явился также мгновенно розовый фонарь: за нѣсколько тенегъ (*) добытъ былъ изъ города кусочекъ вохры, который смѣшали съ синькою—и по всюду разлилась пріятная зелень. Добившись такимъ образомъ до полочки разныхъ красокъ, козаки нисколько уже не затруднились въ ихъ сочетаніяхъ и чрезъ нѣсколько времени у насъ явилось еще нѣсколько фонарей, синевато-чернаго, сизаго и другихъ, по большей части, невыразимыхъ цвѣтовъ, образовавшихся отъ прибавки въ главные краски или мела, или туши, или нѣсколькихъ капель чернилъ. Но дѣло было устроено еще не совсемъ, потому что кромѣ коленкора потребовалась для фонарей и проволока, — поискали ее въ Хивѣ и нашли одинъ небольшой кусокъ, котораго не стало и на одну аллею; принуждены были обратиться къ изобрѣтательности нашихъ козаковъ и они мигомъ

(*) Хивинская теньга—20 копѣекъ серебромъ.

натаскали и нарѣзали кучу камыша, который, какъ нельзя лучше, пошелъ въ дѣло. Всѣхъ фонарей было изготовлено 130 и ими иллюминировали виноградную аллею, новый павильонъ и прудъ передъ этимъ павильономъ; здѣсь въ особенности была хороша люстра, сдѣланная изъ разной величины разноцвѣтныхъ фонарей и повѣшанная надъ самою серединою пруда, на веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ окружающимъ прудъ деревьямъ. Остальная часть сада, и именно около Ханскаго пруда, была занята парадными кибитками начальника миссіи, въ которыхъ предполагалось угощать наиболѣе именитыхъ гостей, и буфетомъ; въ сторонѣ же отъ пруда, былъ поставленъ фейерверкъ.

22-го августа, въ 6-ть часовъ вечера, начался съѣздъ нашихъ гостей. Въ числѣ именитыхъ посѣтителей, приглашенныхъ въ парадную кибитку, находились: кушъ-беги, дарга, зякятчи (*) и одинъ изъ минъ-башей; всѣ же другіе чиновники, а равно и прислуга, помѣстились на открытомъ воздухѣ, присѣвъ на корточки, всѣ въ рядъ, на пространствѣ отъ кибитки до пруда. Число всѣхъ посѣтителей простиралось до 35 человекъ.

Немедленно по прибытіи гостей былъ поданъ имъ чай, и за тѣмъ разнаго рода варенье и любимое ихъ лакомство бѣлокъ, сбитый съ сахаромъ. Удовлетворивъ первый аппетитъ и облизавъ исправно себѣ пальцы, хивинская публика отправилась смотрѣть на спускъ воздушнаго шара, очень искусно приготовленнаго лейтенантомъ М., изъ имѣвшейся у насъ папиросной бумаги. Тутъ изумленіямъ не было конца и на фізіономіяхъ гостей нашихъ выразился даже нѣкотораго рода страхъ, когда вѣтеръ понесъ шаръ на Хиву, но по счастію, публика вскорѣ успокоилась, когда увидала, что шаръ, не успѣвъ спуститься въ городъ, сгорѣлъ окончательно. По возвращеніи къ кибиткамъ, началось настоящее и фундаментальное угощеніе: понесли различные пловы, каши, жаркіе и наконецъ, на 38 тарелкахъ, десертъ. Всеэто предварительно подносилось главнымъ сановникамъ, а потомъ подавалось второстепеннымъ и прислугѣ, которая съ дракой разбирала остатки отъ господскаго стола. Наѣвшись до сыта и натолкавъ себѣ полные карманы разныхъ сластей, сановники получили приглашеніе взглянуть на фейерверкъ. Первые пущенныя сигнальныя ракеты весьма понравились Хивинцамъ, хотя они въ началѣ и выразили опасенія, чтобы ракеты, вмѣсто вертикальнаго полета,

(*) Сборщикъ податей.

не направились бы горизонтально, т. е. въ нихъ, но успокоенные на счетъ личной безопасности, они съ полнымъ удовольствіемъ, хотя, впрочемъ, и не безъ страха, смотрѣли на продолженіе фейерверка, состоявшаго кромѣ ракетъ, изъ римскихъ свѣчей, бураковъ, колесъ, фальшфейеровъ и пр. Послѣ этого Хивинцевъ повели къ новому павильйону, по иллюминированной виноградной аллеѣ, и усадили на террасѣ павильйона передъ прекрасно освѣщеннымъ прудомъ. Пропустивъ тутъ еще по чашкѣ чаю, получивъ въ подарокъ нѣсколько головъ сахару и штукъ сукна, наслушивавшись пѣсенъ нашихъ Уральцевъ и видимо довольные сдѣланнымъ имъ угощеніемъ, сановники въ одиннадцать часовъ вечера отправились во свояси, захвативъ съ собой нѣсколько фонарей. Такъ кончилось это празднество, вѣроятно оставившее въ Хивинцахъ пріятное воспоминаніе, а намъ памятное еще и потому, что на другой день при разборкѣ посуды, не оказалось у насъ нѣсколькихъ чашекъ, блюдецъ и стакановъ, которые почтенные посѣтителы сочли долгомъ засунуть себѣ въ карманы и причислить къ своей собственности.

Я не могу не сказать вамъ еще о томъ впечатлѣніи, которое произвела на Хивинцевъ фотографія. Сначала по пріѣздѣ нашемъ сюда они почти съ ужасомъ смотрѣли на камору, а самого фотографа, въ особенности когда онъ при установкѣ инструмента накрывалъ себѣ голову черной клеенкой, считали чисто за волшебника; впослѣдствіи же, не видя тутъ для себя никакого вреда и получая почти мгновенно свои изображенія, Хивинцы не только привыкли къ каморѣ, но даже сами запрашивались на свои портреты. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи былъ поданъ диванъ-бабой, хотя и принявшимъ сначала предметное стекло за дуло пушки и боявшимся выстрѣла изъ него; за нимъ послѣдовалъ дарга, снявшійся не безъ тайнаго страха, а наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ханъ прислалъ для снятія портретовъ нѣсколько мальчиковъ изъ своего гарема, и любимую собаку, которые тотчасъ же и явились на бумагѣ.

Послѣ праздника, мы пробыли въ Хивѣ еще восемь дней, употребивъ это время, какъ на приготовленія къ предстоявшему намъ походу въ Бухару, такъ и на знакомство съ европейскими новостями, привезенными намъ только лишь полученной передъ праздникомъ почтой. Я помню, съ какою жадностію мы перечитывали майскіе листки «Инвалида» и толковали съ жаромъ объ томъ, объ чемъ вы въ Европѣ, конечно, давно уже перестали и

думать; впрочемъ, это весьма понятно: то, что случилось у васъ въ Петербургѣ въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ, было для насъ самой животрепещущей новостью въ Хивѣ въ августѣ. Вы не можете себѣ представить, сколько радости и развлеченія приносить для насъ бѣдныхъ странниковъ почта изъ Россіи: мы совершенно оживаемъ и перерождаемся въ это время, и даже какъ будто забываемъ, что мы отдѣлены отъ всего роднаго, русскаго, огромнымъ, едва проходимымъ пространствомъ.

31-го августа, въ восемь часовъ утра, мы въ послѣдній разъ взглянули на пыльную столицу Ховарезма и караванъ нашъ потянулся по дорогѣ въ Бухару, опять той же длинной и нескончаемой нитью, какъ и на Усть-Уртѣ.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

1-го сентября 1858 года,
Бивуакъ на лѣвомъ берегу
Аму-Дарьи, близъ г. Ханки.

том 12.

АПРѢЛЬ.

№ 4.

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

необыкновенной операциі, несмотря на то, что они одѣты были подобно такъ называемымъ въ карантинахъ *моршусамъ*, въ кожаное, смолою напитанное платье, въ живыхъ остался только одинъ, котораго генералъ Головинъ встрѣтилъ отставнымъ, при проѣздѣ своемъ изъ Тифлиса, въ 1842 году, въ Воронежѣ.

3) Письмо графа Дибича.

Съ искреннею признательностію приѣмлю поздравленіе вашего превосходительства съ изліянною на меня Монаршею щедротою, которая тѣмъ для меня драгоценнѣе, что ею обязанъ постоянному усердію, неутомимымъ трудамъ и примѣрному единодушію подчиненныхъ моихъ, исполнявшихъ все для достиженія цѣли, предназначенной Государемъ Императоромъ.

Принимая живѣйшее участіе въ болѣзненномъ положеніи вашего превосходительства, при всей моей готовности исполнить желаніе ваше, я затрудняюсь удовлетвореніемъ изложеннаго въ письмѣ отъ 29 октября.

Постъ, нынѣ вашимъ превосходительствомъ занимаемый, столь важенъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, что, признаюсь, я не надѣюсь найти для него генерала способнѣйшаго и который бы могъ дѣйствовать на ономъ съ тою пользою, какая видна теперь въ управленіи Румелійскою областію, и если она и подчиняется генералу Роту, то единственно потому, чтобы, сосредоточивъ власть военную и гражданскую, доставить имъ обѣимъ черезъ то возможность дѣйствовать еще съ большимъ успѣхомъ.

На семъ же самомъ основаніи подчинена Болгарія генералъ-лейтенанту Красовскому, какъ командирующему войсками, въ оной расположенными.

Увѣренный, что ваше превосходительство не поставите меня въ затруднительное положеніе, отказавъ моей просьбѣ, и останетесь при настоящемъ званіи до совершеннаго очищенія нашими войсками Румелии, я пріостановился представленіемъ на Высочайшее усмотрѣніе прошенія, полученнаго мною при донесеніи вашему за № 1355.

С.-Петербургъ.

15 февраля 1853 года.

ПИСЬМО ИЗЪ БУХАРЫ.

V.

ПУТЬ ОТЪ ХИВЫ ДО БУХАРЫ.

Я писалъ уже къ вамъ, что миссія выступила изъ Хивы 31 августа.

Караванъ нашъ на этотъ разъ состоялъ изъ 170 верблюдовъ, большая часть которыхъ принадлежала возвращавшимся изъ Хивы Бухарцамъ; остальные же, вопреки всѣмъ нашимъ возраженіямъ, были наняты у Туркменъ, племени Гаудуръ, съ которыхъ почтеннѣйшій диванъ-баба взялъ за эту комиссію препорядочную взятку.

До границъ Бухарскаго ханства миссію сопровождалъ хивинскій чиновникъ, носившій титулъ минъ-баши. Этотъ высокостепенный господинъ, отличавшійся самой плутовскою фizioноміей, считалъ обязанностію кричать на нашихъ возчиковъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, подбивалъ какъ ихъ, такъ и толпившійся по дорогѣ народъ тяжеловѣсной дубинкой, которая везлась за нимъ его оруженосцемъ, исправлявшимъ въ то же время и должность музыканта (думбрачи); кромѣ этого артиста, въ свитѣ чиновника находилось еще человекъ 7 общипанной и обдерганной стражи, вооруженной чѣмъ попоало.

(*) Письмо изъ степи и два письма изъ Хивы напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» въ №№ 4 и 6 за 1858 г. и въ № 1 за 1859 годъ. *Ред.*

Отличительная способность минь-баши состояла въ томъ, что на всѣхъ почлегахъ и остановкахъ въ населенныхъ мѣстахъ онъ, какимъ-то волшебствомъ, добывалъ для себя огромное количество куръ, яицъ и масла, что каждый изъ насъ съ трудомъ могъ получить, и то за большія деньги. Случалось часто и такъ, что какой нибудь бѣдный узбекъ, не соглашавшійся уступить намъ курицу за 2 тенгги (44 коп. сер.), при одномъ мановеніи руки или, просто, густыхъ бровей минь-баши, вручалъ безпрекословно продаваемую птичку его прислужнику и затѣмъ, что есть силы, удиралъ отъ кибитки чиновника, безъ всякаго слова о вознагражденіи.

Отъ Хивы караванъ потянулся прямо на востокъ, къ Аму-Дарьѣ. Пространство это, около 40 верстъ, мы шли по странѣ густо населенной и почти сплошь обработанной. Экономія на землѣ здѣсь такъ велика, что самый проѣздъ производится по дорогѣ не болѣе, какъ въ 3 сажени шириною, и, притомъ, стѣсненной съ обѣихъ сторонъ насыпями, садами, полями и капавками; изъ большихъ же каналовъ на этомъ пути встрѣчаются три: Полванъ-Ата, Казаватъ и Шахъ-Абатъ, изъ коихъ черезъ каждый ведетъ узкій мостъ на высочайшихъ козлахъ.

По дорогѣ къ Аму, при каналѣ Казаватъ, расположена одна изъ важнѣйшихъ хивинскихъ крѣпостей — Ханки. Крѣпость имѣетъ фигуру квадрата, бокъ длиною около 100 саж.; стѣны глиняныя обыкновенной постройки, украшенныя вверху зубцами. Крѣпость была обведена когда-то водянымъ, довольно широкимъ рвомъ; но теперь на мѣстѣ рва видны однѣ только грязныя вонючія лужи. Около самаго вѣзда въ крѣпость, со стороны Хивы, расположены лавки и идутъ жилья въ самомъ интересномъ безпорядкѣ.

2 сентября, мы опять увидали мутныя воды Окса и ровно въ полдень стали на берегу его лагеремъ.

Ширина Аму-Дарьѣ, около Ханковъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ подъ Кунградомъ, и, несмотря на то, что въ это время вода въ рѣкѣ сильно шла на убыль, изъ нашего лагеря едва, едва можно было видѣть противоположный берегъ.

Съ приходомъ на Аму, погода замѣтно измѣнилась: пошелъ маленькій дождь и ночью оказалось всего только 11° тепла.

На этотъ разъ, хивинское правительство опять не сдержало своего обѣщанія: лодокъ на переправѣ было приготовлено очень мало, и, несмотря на усердіе минь-баши, который своею дубин-

кою подчивалъ праваго и виноватаго и даже, въ азартѣ, переломилъ руку караванъ-башу, мы никакъ не могли собрать для перѣзда болѣе 23 посудинъ. Новскорѣ, однакожъ, оказалось, что хлопоты почтеннаго чиновника были одной комедіей, служившей для прикрытія страсти его къ взяткамъ. Въ первый день нашего прихода на Аму, минь-баши самъ же отпустилъ ночью нѣсколько лодочниковъ, разумѣется не даромъ, и, кромѣ того, требовалъ съ бухарскихъ возчиковъ, заплатившихъ уже въ Хивѣ достопочтенному диванъ-бабѣ 20 червонцевъ, еще за переправу 50 тиллъ, отказъ въ которыхъ и былъ тайною причиною перелома руки несчастному караванъ-башу.

Узнавъ о такихъ продѣлкахъ, начальникъ миссіи поручилъ завѣдываніе переправой одному изъ своихъ офицеровъ, а минь-баши, не достигшій цѣли, со злости переколотилъ своихъ прислужниковъ и послѣ этого буйнаго возмездія остальное время переправы посвятилъ, какъ бы вы думали, самому невинному удовольствію — музыкѣ. Усѣвшись преважно на коврѣ около берега и посадивъ не вдалекѣ музыканта, минь-баши весь предавался слуху. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ на двухъ-струнномъ инструментѣ, имѣвшемъ видъ полоскательной чашки съ придѣланнымъ къ ней длиннымъ грифомъ, музыкантъ началъ слегка покачивать головою, закатывать глаза и потомъ монотонно запѣлъ стихи. По мѣрѣ пѣнія, думбрачи то утихали, то вдругъ приходилъ въ какой-то восторгъ, вскрикивалъ и сильно дергалъ головою, тогда какъ его баринъ, съ полузакрытыми глазами и покуривая кальянъ, наслаждался полнѣйшимъ кейфомъ. Стихи пѣлись изъ Наваи, любимаго джагатайскаго поэта, и, сколько мнѣ помнится, кто-то изъ чиновъ миссіи переложилъ пѣснь ихъ на ноты. Въ такихъ занятіяхъ музыкой, съ пересыпкой плова, чаю и кальяна, провелъ остальное время на переправѣ угмонившійся чиновникъ. А, между тѣмъ, лодки съ тяжестями снова вѣздъ и впередъ, но, по лѣности перевозчиковъ и по быстротѣ теченія, едва успѣвали сдѣлать въ день два рейса. Особенно затруднительно было переправлять верблюдовъ, изъ которыхъ нѣкоторые положительно отказывались спускаться въ лодку.

3 сентября, утромъ, вся миссія была уже на правомъ берегу рѣки; но, прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, невольно хочется сказать нѣсколько словъ объ самой Аму.

Что за роскошная рѣка, какая масса воды, какая сила теченія, и неужели все это дано ей только для того, чтобы носить несчастныя хивинскія посудины съ клажей сухаго урюка или чего нибудь подобнаго! Рано или поздно, но мнѣ кажется, что по этой рѣкѣ кто нибудь да внесетъ же начатки болѣе разумной торговой дѣятельности, начатки цивилизаціи въ безжизненныя пустыни Турана, въ среду его грубаго, невѣжественнаго населенія: вѣдь не даромъ же природа провела такую великую артерію между Европой и Азіей отъ подножій Гинду-Куша, отъ древней славной Бактріаны, до Киргизъ-Кайсацкихъ степей.

Вы, вѣроятно, не заподозрите меня въ страсти къ идеализаціи, но, конечно, можете возразить, что за моремъ все хорошо, а если бы привелось намъ самимъ владѣть рѣкою, такъ мы и не сѣмъ-ли бы съ ней справиться, пожалуй даже при этомъ укажете и на примѣръ: на Сыръ-Дарью, отъ которой мы въ другой разъ не знаемъ, какъ и оттолкнуться. Сдѣлавъ такое замѣчаніе, вы будете правы только отчасти и, въ свою очередь, повторите одинъ изъ тѣхъ упрековъ, которые раздаются насчетъ цѣли дѣйствій нашихъ въ Средней Азіи. И, дѣйствительно, мы здѣсь были смѣлы на проэкты, съ ловкостію открывали въ предметъ блестящую его сторону, не задумываясь, принимались за исполненіе обширныхъ предпріятій и даже достигали на первое время удачныхъ результатовъ, но почти никогда не умѣли вовремя взвѣсить предполагаемыхъ выгодъ съ неудобствами и часто, при первомъ неудачномъ шагѣ, окончательно терялись и предавались самой полнѣйшей апатіи въ томъ дѣлѣ, которое незадолго возбуждало въ насъ живой интересъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, прочтите всю переписку и прослѣдите всѣ распоряженія по занятію Сыра. Сколько блестящихъ идей мимоходомъ брошено то въ той, то въ другой бумагѣ, сколько свѣтлыхъ предположеній стоитъ на ряду съ пустыми, звонкими фразами, а въ итогѣ ничего общаго, ничего доведеннаго до конца; все придумывалось и соображалось какъ бы для успѣха минуты и ничего для дальнѣйшаго, прочнаго устройства края. Но отсюда, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы мы и въ будущемъ были неспособны на что либо серьезное и болѣе опредѣленное. Не слѣдуетъ торопиться, не слѣдуетъ пренебрегать частной дѣятельностью, которая, при извѣстной гарантіи правительства, можетъ принести ему существенную пользу въ такихъ странахъ, какъ Азія, и, наконецъ, имѣть поболѣе твердости въ однажды обдуманномъ предпріятіи:

тогда, повѣрьте, на Аму мы не будемъ смотрѣть тѣмъ разочарованнымъ взглядомъ, который невольно на насъ навѣяла занятая нами бесплодная часть Сыра.

Извините за такое отступленіе отъ предмета моего разсказа; но, впрочемъ, оно простиительно, при томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня Аму, и я увѣренъ, что если бы и вы, чело-вѣкъ болѣе серьезный и положительный, были на моемъ мѣстѣ, то не остались бы хладнокровны къ такой дивно роскошной рѣкѣ. Обращаюсь къ нашему путешествію.

4 сентября, миссія двинулась въ дальнѣйшій путь, вверхъ по правому берегу Аму. Переходъ былъ немножко тяжелъ. Картина совершенно измѣнилась: вмѣсто обработанной, густо населенной полосы, мы сразу очутились въ низменной пустынной степи, по которой кой-гдѣ мелькали кибитки оборванныхъ Каракалпаковъ, и чѣмъ дальше въ степь, тѣмъ страна становится безжизненнѣе: на огромномъ песчаномъ пространствѣ изрѣдка выглядываютъ гдѣ нибудь кустики гребенщика да торчатъ одиноко ковыль, и только по самымъ бережьямъ рѣки, окаймляя ее съ обѣихъ сторонъ, какъ двѣ бархатныя ленты, тянутся узкими полосами ярко-зеленые камыши. Ширина этихъ полосъ различна и, при возвышенныхъ берегахъ, простирается всего на нѣсколько саженъ.

Съ переходомъ черезъ Аму, спокойствіе, господствовавшее до тѣхъ поръ въ нашемъ караванѣ, начало нарушаться, и главною причиною волненія оказался все тотъ же минъ-баши. Этотъ храбрый наѣздникъ положительно сталъ увѣрять, что Чаудуровцы, недовольные за отказъ нанять у нихъ верблюдовъ, рѣшились сдѣлать на насъ нападеніе, и съ этою цѣлью шайка ихъ, въ числѣ 300 человѣкъ, переправилась уже черезъ Аму и гонится за караваномъ. Откуда выкопалъ почтенный чиновникъ такіа извѣстія, рѣшительно нельзя было понять. По крайней мѣрѣ, онъ клялся и божился, что говоритъ истинную правду. Какъ бы ни было, а возчики наши начинали трусить не на шутку, особенно, когда къ намъ примкнули шедшіе въ Бухару два купеческихъ каравана, верблюдовъ въ 50 каждый, хозяева которыхъ умоляли о защитѣ. Въ это же время подъ наше покровительство пристроились Кандагарецъ, совершившій, по какому-то обѣту, путешествіе по святымъ мѣстамъ Средней Азіи, и бухарскій Еврей.

Я уже писалъ къ вамъ, что климатъ Хивы и плоды произвели не совсѣмъ благопріятное дѣйствіе на здоровье нашихъ лю-

дей, а бивуакирование на низменных берегахъ рѣки еще болѣе увеличило болѣзни въ конвоѣ, такъ что, при движеніи за Аму, половина нашихъ людей лежала въ страшныхъ лихорадкахъ и походила на какія-то тѣни.

Поэтому, какъ ни смѣшонъ казался намъ почтенный минъ-баши, видѣвшій въ каждомъ песчаномъ холмѣ Туркмена, по предосторожность, никогда не лишняя въ здѣшнихъ мѣстахъ, заставила и насъ принять нѣкоторыя мѣры противъ случайностей. Послѣ втораго перехода за Аму, караванъ изъ одной огромной нити перестроился въ нѣсколько рядовъ, ряды сблизились, и мы двигаясь, такимъ образомъ, получили большую возможность защитить наши тяжести, въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Приходя на мѣсто, мы каждый вечеръ спускали нѣсколько сигнальных ракетъ, чтобы показать слѣдившимъ за нами Туркменамъ, что идемъ не съ пустыми руками; при чемъ свита чиновника и нѣкоторые изъ возчиковъ ложились лицомъ къ землѣ, а самъ минъ-баши просилъ начальника миссіи не пускать ракетъ горизонтально. Несмотря на предосторожности, караванъ шелъ, однакожь, теперь съ гораздо большимъ шумомъ, чѣмъ на Усть-уртѣ. По бухарскому обычаю, между каждымъ пятью или шестью верблюдами помѣщается въ караванѣ оселъ, на которомъ обыкновенно и возсѣдаетъ хозяинъ сзади идущей партіи верблюдовъ, ведя передоваго изъ нихъ за веревку. Безпрерывное ржаніе этихъ ословъ, звонъ висѣвшихъ у нихъ на шеѣ колокольчиковъ, постоянный крикъ купцовъ и почтеннаго минъ-баши производили въ мертвой степи такой гулъ, что онъ далеко давалъ знать о нашемъ шествіи.

5 сентября, мы пришли на ночлегъ около 6 часовъ вечера, совершенно истомленные огромнымъ переходомъ по сыпучимъ пескамъ и везя за собой умершаго на переходѣ уральскаго казака.

Остановясь лагеремъ верстахъ въ 2 отъ Аму, мы незамѣтно отвезли къ рѣкѣ покойника и тамъ наскоро его обмыли. Грустные, суровые суетились около него бородатые товарищи, въ бѣлыхъ какъ саванъ кителяхъ. Богъ знаетъ, что у нихъ въ эту минуту было на сердцѣ; но вѣроятно каждому думалось, что и онъ можетъ сложить голову безъ родныхъ и исповѣди, на пустынномъ берегу чужой рѣки, гдѣ на могилѣ его будетъ гулять перекатный песокъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ, когда я смотрѣлъ на ихъ загорѣлыя, обросшія лица, по которымъ невольно катились слезы. Когда опускали тѣло въ могилу, было уже темно и кру-

гомъ царствовала невозмутимая тишина; только среди этого мрака горѣлъ какъ огонекъ небольшой огарочекъ свѣчи, вѣроятно, найденный въ чьей нибудь походной сумѣ, да около свѣчи внятно и рѣзко, среди общего молчанія, раздавались слова отходной молитвы, которую читалъ начальникъ миссіи....

На другой день, съ грустію потянулись мы отъ мѣста ночлега. Берега Аму стали круты и обрывисты, и мы шли по прибрежнымъ краямъ, изрѣдка спускался въ низменную, покрытую камышами полосу, идущую между ихъ подножіемъ и рѣкою.

Минъ-баши труситъ больше прежняго и увѣряетъ, что черезъ два дня на насъ непременно нападутъ Туркмены, на ночлегѣ близъ Аму. Да отчего же непременно на ночлегѣ, а не на переходѣ? спрашиваемъ мы чиновника. «Да оттого, отвѣчалъ онъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ въ прошломъ году они на меня напали.»

Идемъ то песками, то по твердому, каменистому грунту прибрежныхъ кражей, для ночлеговъ большею частию спускаемъ внизъ къ водѣ, гдѣ есть подножный кормъ для лошадей. По ночамъ лагерь охраняется, кромѣ часовыхъ, и разсыльными Киргизами, которые, вмѣсто «слушай», кричатъ протяжно: «алла!»

У минъ-баши оборванной стражи возрасло до 20 человѣкъ; но опасное мѣсто пройдено благополучно и нападенія Туркменъ не послѣдовало.

10 сентября, весь переходъ сдѣлали по окраинѣ береговыхъ горъ. Аму видна какъ на ладони. Замѣтно, что она сильно обмелѣла: безпрестано встрѣчаются песчаные острова, которые дѣлятъ рѣку на нѣсколько рукавовъ; но, несмотря на это, она сохраняетъ—по крайней мѣрѣ, въ ширину—удобный для судоходства фарватеръ. Къ вечеру караванъ сталъ около уроч. Кукерт-ли, официальной границы Хивинскаго ханства. Здѣсь мы нашли пустую глиняную развалину, которая служитъ убѣжищемъ для пограничнаго хивинскаго караула; сами же караульные потянули вверхъ по рѣкѣ какія-то лодки съ товарами, вѣроятно, найдя это занятіе болѣе выгоднымъ, чѣмъ стоять въ глухой степи.

11 числа, распростился съ нами достопочтенный минъ-баши, получивъ на прощанье въ подарокъ сукна и разныхъ вещей.

Вообще путь, по которому мы шли за рѣкой и который представлялъ намъ далѣе въ Бухару, несмотря на свою безжизненность и бесплодность, возбуждалъ въ насъ живѣйшій интересъ. Съ 1740 года, т. е. со времени путешествія англійскаго купца Томсона, по этому направленію, сколько извѣстно, не проникалъ

никто изъ Европейцевъ, и мы имѣли честь первые провѣрить на опытѣ трудности пути, который до сихъ поръ считался едва доступнымъ, даже для купеческихъ каравановъ, дѣлающихъ переходы отъ 60—70 верстъ въ сутки, тогда какъ мы проходили въ день отъ 30—40 верстъ, при одной кочевкѣ.

Простившись съ чиновникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ его разсказами о нападеніяхъ Туркменъ, наши возчики еще двѣ ночи не могли оправиться отъ боязни и по вечерамъ, на бивуакѣ, приступали къ начальнику миссіи съ просьбою пустить хоть одну ракету, говоря, что Туркмены, увидя ее, наберутся страха на цѣлую ночь и караванъ проведетъ ее спокойно.

13 числа, идя по берегу Аму, мы прошли мимо двухъ полуразрушенныхъ крѣпостей, изъ которыхъ одна называется Джигитъ-Кала (Молодецкая крѣпость), а другая — Кысъ-Кала (Дѣвичья крѣпость). Последняя построена на отдѣльной высокой сопкѣ, составляющей какъ бы продолженіе береговаго края; первая же въ саженьяхъ 300 — 400 отъ предъидущей, близъ самой рѣки, на нижнемъ скатѣ, или, лучше сказать, на равнинѣ, примыкающей къ его подошвѣ. Обѣ крѣпости четырехугольныя; стѣны сложены изъ дикаго камня; къ внутренней ихъ сторонѣ примыкаютъ комнаты со сводами, построенныя изъ жженого кирпича. Верхняя крѣпость имѣетъ въ окружности около версты, и стѣны ея расположены по окраинѣ горы, которая возвышается надъ Аму футовъ на 300. По срединѣ крѣпости стояло какое-то большое зданіе изъ жженого кирпича; въ крѣпость вели одни ворота, доступъ къ которымъ, какъ равно и на самую скалу, возможенъ только по одной узенькой тропинкѣ. Внутри крѣпости высѣченъ очень глубокій колодезь, который когда-то соединился подземнымъ водопроводомъ съ рѣкою.

Къ этому описанію позвольте присоединить еще и не лишнюю поэзіи туземную легенду.

Основаніе крѣпостей, какъ разсказывали намъ Бухарцы, произошло лѣтъ за 400 предъ снмъ, по слѣдующему случаю:

Богатая красавица-магометанка, не зная, куда дѣваться отъ докучливыхъ жениховъ, рѣшилась удалиться со всѣмъ имуществомъ на описанную скалу и заперлась тамъ въ крѣпости съ своими приближенными. Тогда одинъ изъ самыхъ пламенныхъ и неутѣшныхъ ея поклонниковъ, въ свою очередь, основалъ другую крѣпость, внизу, около рѣки, и рѣшился добыть красавицу силой, отнявъ у нея воду; но невѣста не сдавалась и отъ жажды

не умирала, пока одна изъ ея прислужницъ, подкупленная женихомъ, не открыла послѣднему о существованіи тайника.

Тогда женихъ пустилъ по Аму мимо крѣпостей клочъ сѣна, гдѣ его потянуло внизъ, тамъ отыскавъ начало водопровода, который тотчасъ же и разрушилъ. Послѣ этого происшествія красавица вышла изъ крѣпости, сѣла на лодку и спустилась въ низовья Аму, гдѣ и умерла, считаясь святою....

16 сентября, мы подошли наконецъ къ окраинѣ населенной долины. На половинѣ этого перехода получили извѣстіе о выѣздѣ навстрѣчу миссіи губернатора ближайшей бухарской крѣпости Усты, а пройдя еще версты двѣ, встрѣтили одного изъ его приближенныхъ, пріѣхавшаго пораспросить подъ рукою о церемоніалѣ встрѣчи. Вскорѣ по отъѣздѣ посланнаго предсталъ и самъ губернаторъ. Это былъ маленькій, но плотный, лѣтъ 60 старикъ въ шалевомъ халатѣ и мѣховой выдровой шапкѣ, намеръ нашихъ поповскихъ; онъ сидѣлъ на превосходномъ рыжемъ туркменскомъ конѣ, который былъ покрытъ шалевымъ чепракомъ. Всѣ принадлежности сѣдла были украшены крупными прекрасными камнями бирюзы, а стремяна сдѣланы изъ серебра.

Слѣхавшись съ нами, губернаторъ отдалъ честь, приложивъ руку къ сердцу, а начальникъ миссіи — къ козырьку. Вслѣдъ за симъ, по случаю благополучнаго нашего прибытія, свита его степенства начала празднество, извѣстное у Азіатцевъ подъ названіемъ курбани. Для этого одинъ изъ Бухарцевъ схватилъ гдѣ-то козленка и началъ съ нимъ кружить около начальника миссіи и его свиты. За первымъ наѣздникомъ ринулась вся свита губернатора и начала отнимать и рвать бѣдное животное, бросая куски отъ него, въ знакъ особаго почета, въ ту сторону, гдѣ ѣхалъ начальникъ миссіи. Вообще же временнаго владѣльца козленка били нагайками, толкали, давили, до тѣхъ поръ, пока находившаяся у него жертва не поступала въ руки къ другому счастливцу, съ которымъ поступали такимъ же образомъ, какъ и съ предъидущимъ, и все это совершалось на всемъ скаку, съ страшнымъ гикомъ, кружась около насъ. Самымъ же ловкимъ молодцомъ признанъ былъ тотъ, которому удалось вырвать изъ козленка печенку и бросить ее къ ногамъ лошади, на которой ѣхалъ начальникъ миссіи. За первымъ козленкомъ послѣдовалъ второй, котораго не раздирали, а, убивъ и взявъ его цѣликомъ, поступили съ нимъ такъ же, какъ и съ печенкой. Вообще картина,

представлявшая носившихся по обширной степи бухарских па-
вздинокъ, была очень живописна: они то разсыпались, то смы-
кались кучками, то, какъ бы случайно сплотившись въ одну мас-
су, направлялись къ одной точкѣ—къ тому счастливцу, у кото-
раго былъ козленокъ, при чемъ концы бѣлыхъ ихъ чалмъ, размо-
тавшись отъ быстрого движенія, неслись какъ флюгера за лов-
кими всадниками.

Послѣ исторіи съ козленкомъ слѣдовало другое угощеніе —
музыка. Инструментовъ было немного: всего только одинъ ро-
жокъ, въ родѣ нашихъ пастушескихъ,—и игравшій на немъ му-
зыкантъ такъ надсѣдался, что мы невольно удивлялись крѣпости
его легкихъ.

По прибытіи на ночлегъ, Бухарцы предложили намъ угоще-
ніе, въ числѣ котораго, конечно, немаловажную роль играли
фрукты; въ свою очередь, губернаторъ и его свита были при-
глашены на чай къ начальнику миссіи, гдѣ получили разные
подарки.

На другой день шли по мѣстамъ хотя и населеннымъ, но
многія изъ строеній были, однакожь, брошены и частію засыпа-
ны пескомъ, дошедшимъ здѣсь вплоть до Аму. На этомъ же пе-
реходѣ миновали кр. Усты.

Представьте себѣ на ровной какъ ладонь мѣстности подняв-
шуюся футовъ на 200 глыбу глины, вершина которой образуетъ
небольшое плато. Вотъ на этомъ-то плато, паря надъ разбро-
санными внизу жилищами, висится крѣпость, не имѣющая, впро-
чемъ, никакой ограды и состоящая изъ 15—20 мазанокъ, стѣны
которыхъ вплоть примыкаютъ къ краямъ глыбы. Крѣпость
имѣетъ одни ворота, къ которымъ ведетъ узкая тропинка, про-
ложенная по одному изъ обрывистыхъ скатовъ глыбы. Бухарцы
говорили, что въ крѣпости находится 100 человекъ гарнизона;
но въ дѣйствительности здѣсь едва ли можетъ помѣститься и 20.
Конечно, для полудикихъ Туркменъ, такая естественная твер-
дыня есть уже защита; но атаки правильного строя Усты вы-
держатъ рѣшительно не въ состояніи.

Далѣе мы шли вблизи Аму и по окраинѣ знаменитыхъ и
страшныхъ Кызылъ-Кумовъ; ночь провели въ одной населенной
мѣстности, называемой Крачь.

18 сентября, миссія вступила въ пески. Путь, который былъ
избранъ черезъ Кызылъ-Кумы, представлялъ ту выгоду, что пе-
ресѣкалъ пески, примыкающіе къ Бухарѣ съ запада, на самой

незначительной ихъ ширинѣ, именно около 28 верстъ; но даже
для перехода такого незначительнаго разстоянія потребовалось
и много времени и много усилій, особенно для повозокъ, прежде,
чѣмъ мы снова достигли населенной полосы.

Вообразите огромное море, какъ бы захваченное въ минуту
его волненія и оставленное въ такомъ положеніи, и вы будете
имѣть слабое понятіе о Кызылъ-Кумахъ. Еще на окраинахъ кой-
гдѣ выглядываютъ изъ-за песчаныхъ волнъ то полузасыпанная
стѣна какого нибудь зданія, то ковыль; но это только въ нача-
лѣ, далѣе же, чѣмъ глубже въ пески, тѣмъ мѣстность стано-
вится все болѣе и болѣе безжизненной. Движеніе страшно тя-
жело, такъ какъ, кромѣ непрерывныхъ подъёмовъ и спусковъ
съ песчаныхъ волнъ, лошади постоянно вязнутъ въ сыпучемъ
грунтѣ, уходя въ него до колѣна. На половинѣ перехода, на не-
большой полянѣ, окруженной песчаными холмами, чья-то благо-
дѣтельная рука вырыла колодезь, гдѣ усталые странники и вер-
блюды подкрѣпляютъ свои силы для совершенія другой поло-
вины пути.

Было часовъ 5 или 6 вечера, когда миссія начала выходить
изъ песковъ и подошла къ остаткамъ зданій, служившихъ когда-
то мѣстомъ жилья обширнаго населенія, а теперь занесенныхъ
вполовину пескомъ. Во весь этотъ день, въ природѣ царство-
вало совершенное спокойствіе, вслѣдствіе чего мы хотя и изне-
могали подъ гнетомъ жара и духоты, но все-таки считали себя
счастливыми; иначе, если бы въ пустынѣ задулъ хоть маленькій
вѣтерокъ и заволновалъ эту страшную массу песку, перенося ее
съ мѣста на мѣсто, намъ пришлось бы очень плохо.

Ночь провели мы среди населенія, не находя словъ благода-
рить Бога за такой успѣшный переходъ черезъ пустыню и во-
обще за все путешествіе отъ Хивы. На другой день, утромъ,
представлялся начальнику миссіи молодой, женоподобный чи-
новникъ, назначенный правительствомъ эмира для нашей встрѣ-
чи и сопровожденія до Бухары. Мирза Фазиль—такъ звали при-
ѣхавшаго—обошелся съ нами съ самой утонченной любезностію.
Онъ родился въ Казани, гдѣ отецъ его былъ женатъ на какой-то
Татаркѣ, и молодые годы провелъ въ Россіи. Въ сопровожденіи
новаго пристава, миссія направилась къ г. Каракулю, подходя
къ которому была встрѣчена мѣстнымъ начальствомъ; до самаго
города шли по мѣстамъ населеннымъ и обработаннымъ, и насъ
постоянно сопровождала огромная масса народа.

Каракуль — это депо знаменитыхъ мерлушекъ — небольшой глиняный городъ, съ самой миниатюрной крѣпостью. Здѣсь сначала остановились въ ханскомъ дворцѣ, изъ котораго, послѣ различныхъ привѣтствій и угощенія, перешли въ лагерь, разбитый подѣ самымъ городомъ, на берегу рукава Зарбавшана. Къ вечеру прибыло къ намъ еще человѣкъ пять чиновниковъ, назначенныхъ для сопровожденія миссіи въ Бухару. Это были по большей части родственники главнаго закатчи Бухарскаго ханства, или, другими словами, бухарскаго министра иностранныхъ дѣлъ. На другой день, послѣ довольно тяжелаго завтрака, приготовленнаго съ явной претензіей на европейскую кухню, миссія, въ сопровожденіи всѣхъ приставовъ, потянулась къ Бухарѣ, при чемъ для проѣзда до столицы отъ имени главнаго закатчи былъ предложенъ начальнику миссіи превосходный сѣрый конь въ богатой сбруѣ.

Предупредительность Бухарцевъ не покидала насъ ни на минуту: придя къ мѣсту ночлега, одинокому караванъ-сарая, мы нашли тамъ изготовленные заранѣе для нашего отдохновенія палатки, по входѣ въ которыя намъ тотчасъ же были поданы чай и угощеніе изъ фруктовъ и мяса.

На слѣдующій день, выступивъ опять-таки не прежде, какъ послѣ завтрака, шли по довольно населеннымъ мѣстамъ, вплоть до предмѣстій Бухары, и, не доходя двухъ верстъ до города, остановились довольно рано на ночлегъ, для того, чтобы имѣть возможность приготовиться къ торжественному вѣзду въ столицу Нассыръ-Уллы-Богадуръ-хана.

Здѣсь къ намъ прибыло нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ, которые хотя и по наружности, но довольно внимательно осмотрѣли наши выюки.

Они уже оканчивали путешествіе по лагерю, когда вниманіе ихъ было остановлено однимъ большимъ выюкомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ ящиковъ. Многомъ тутъ образовалась густая толпа народа, и между чиновниками завязался горячій разговоръ, перешедшій вскорѣ въ крикъ. Мы сначала рѣшительно не понимали, въ чемъ дѣло, но потомъ недоумѣніе наше замѣнилось сильнымъ смѣхомъ. Вы припомните, конечно, что, идя по берегу Аму, мы втихомолку похоронили уральскаго казака, Вozчики нашего каравана, зная о смерти одного изъ русскихъ, въ то же время были убѣждены, что тѣло покойнаго слѣдуетъ при миссіи въ Бухару, о чемъ не замедлили сообщить, по секрету,

и бухарскимъ чиновникамъ, присовокупя, что Русскій умеръ отъ чумы и, вѣроятно, долженъ находиться въ какомъ либо изъ нашихъ большихъ выюковъ. Съ такимъ подозрѣніемъ Бухарцы начали осмотръ нашихъ тяжестей и, какъ нарочно, попали на ящикъ, смрадный запахъ отъ котораго окончательно убѣдилъ ихъ въ справедливости разказа возчиковъ; поэтому они настоятельно потребовали вскрытія ящика и, несмотря на всѣ убѣжденія, что они не найдутъ тамъ ничего похожаго на мертвое тѣло, настаивали на своемъ. При общемъ смѣхѣ конвоя, таинственный ящикъ открылся, и Бухарцы отъ изумленія разинули рты, когда, вмѣсто страшнаго зачумленнаго, увидали четырехугольныя правильныя плитки прессованной капусты, употребленіе которой въ пищу имъ было тотчасъ же объяснено на дѣлѣ.

22 сентября, утромъ, насъ угостили еще разъ завтракомъ, въ одномъ изъ ближайшихъ къ лагерю домовъ предмѣстья, и мы, облекшись въ парадную форму, приготовились къ торжественному вѣзду въ Бухару.

Было около 9 часовъ, когда миссія тронулась съ мѣста, окруженная необозримой толпой народа. Впереди ѣхало нѣсколько бухарскихъ чиновниковъ, по обыкновенію, щедро разсыпавшихъ на всѣ стороны удары плети, за ними часть конвоя, потомъ начальникъ миссіи, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ, бухарскихъ приставовъ и остальной части конвоя; наконецъ, въ хвостѣ караванъ. Справа и слѣва около насъ бѣжало множество блюстителей порядка, съ длинными, бѣлыми палками; но ни эти послѣдніе, ни тѣ, которые ѣхали верхомъ, рѣшительно не могли удержать въ порядкѣ народъ, который давилъ насъ съ боковъ, напиралъ съ тылу и совершенно заграждалъ путь, переливаясь, какъ волна, съ одной стороны улицы на другую. Спотыкаясь и падая въ песокъ, любопытные, кромѣ того, цѣлыми кучами сталкивались въ канавы, придавливались къ заборамъ и получали ловкіе удары въ спину, въ шею и преимущественно въ бритую голову; но ничего не помогало, и правотѣрный, только лишь побывавшій въ пескѣ или въ лужѣ и съ помощію полицейскихъ украсившій физіономію свою волдырями, черезъ нѣсколько минутъ опять проталкивался къ поѣзду и бѣжалъ около него съ самымъ веселымъ лицомъ.

Подойдя къ высокой зубчатой городской стѣнѣ, обсаженной со стороны вѣзда деревьями, мы встрѣтили новую толпу народа и, вмѣстѣ съ бѣжавшею за нами, втиснулись въ ворота.

Я рѣшительно не въ состояніи описать вамъ той муки, которую мы вытерпѣли въ самомъ городѣ. Насъ вели то широкими мощеными улицами, то по грязнымъ крытымъ рядамъ, мимо лавокъ, куда едва-едва проникалъ дневной свѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы были въ родѣ лазеекъ, а тутъ еще со всѣхъ сторонъ напирали на насъ зрители, тянули за ноги нищие, прося милостыню, и подъѣзжали подъ самый носъ лошади наѣздники на ослахъ. По дорогѣ мы прошли нѣсколько медресе, крыльца и террасы которыхъ были покрыты муллами и другими учеными, сидѣвшими поджавъ ноги и смотрѣвшими на нашъ поѣздъ, какъ на театральное представленіе; съ плоскихъ же кровель жилищъ метались жадные, огненные взгляды прекрасныхъ Бухарокъ, закутанныхъ въ халаты и съ черной сѣткою на лицѣ. Но всему на свѣтѣ есть конецъ: такъ и мы, пройдя около трехъ верстъ городомъ, приблизились къ широкимъ сводчатымъ воротамъ, которыя быстро поглотили всю нашу процессію и въ которыя назойливая толпа не имѣла права вступить. Въѣхавъ въ ворота, мы очутились на огромномъ, огороженномъ высокими стѣнами дворѣ, откуда въ самое зданіе, назначенное для нашего пребыванія, вела только одна маленькая лазейка. Зданіе состояло изъ нѣсколькихъ дворишковъ и заключало въ себѣ около 100 глиняныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ 10 — 15 были еще на что нибудь похожи, остальные же имѣли видъ сырыхъ и темныхъ мазанокъ. Здѣсь насъ угостили чаемъ и завтракомъ, потомъ предложили размѣститься по комнатамъ.

Н. ЗАМЪСОВЪ.

Бухара.

28 сентября 1858 года.

ПИСЬМА ИЗЪ МАРОККО (*).

I.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ИСПАНСКОЙ АРМІИ.

1 февраля н. ст.

Изъ письма моего къ Г***, тебѣ уже извѣстно, что я 21 января н. ст. прибылъ въ испанскій лагерь, гдѣ главнокомандующій войсками, маршалъ о'Доннель, принялъ меня чрезвычайно ласково; также ласково встрѣтили меня и всѣ вообще офицеры, съ которыми я до сихъ поръ имѣлъ честь познакомиться. Но въ дѣлѣ съ непріятелемъ я еще не имѣлъ тогда случая быть: первый шагъ на полѣ сраженія я сдѣлалъ лишь вчера, о чемъ и спѣшу сообщить тебѣ.

31 января, около десяти часовъ утра, по лагерю разнесся слухъ, что Мавры, спустившись съ горъ, готовятся сдѣлать нападеніе; но такъ какъ подобные слухи уже не разъ оказывались ложными тревогами, то я преспокойно продолжалъ завтракать, когда вдругъ послышался голосъ главнокомандующаго, приказавшаго подать лошадь (**). Я выбѣжалъ изъ палатки, приказалъ сдѣлать и, какъ только мнѣ подали коня, вскочилъ на него и помчался въ свѣтъ маршала о'Доннеля. У подошвы горъ

(*) Выдержка изъ писемъ лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣльцоваго баталіона прапорщика Беккера. Переведено со шведскаго Э. А.

(**) Изъ бельгійской газеты «l'Indépendance» извѣстно, что палатка г. Беккера расположена возлѣ шатра главнокомандующаго.